

ГАЛИНА РОМАНОВА



КУКЛА-ЛЮБОВЬ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Кукла-любовь

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Кукла-любовь / Г. В. Романова — «Эксмо», 2020 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-111928-7

Молодой и неопытный дознаватель Маша Проворова обижалась — никто не принимает ее всерьез! Вот и с делом об исчезновении Ларисы, жены юриста Игната Гришина, у нее ничего не получается. Лариса нашла дома письма от отца, которого никогда не видела, поехала его искать и пропала, сойдя с поезда на глухом полустанке. Все уверяли Машу, что жена просто сбежала с любовником, но что-то не давало ей покоя. Особенно она насторожилась, когда в безымянной могиле было обнаружено тело молодой женщины с дорогим старинным перстнем на пальце...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111928-7

© Романова Г. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Кукла-любовь

*Все действия и герои в романе вымышлены,
любое сходство является совпадением.*

Глава 1

Луч фонаря скакал по голым веткам вверх-вниз, как светящийся мячик для игры в пинг-понг. Такого мячика наверняка не существовало. Но ему так казалось. Фонарь на широкой резинке крепился у него на голове, на два пальца выше лба. Считалось, что это удобно: руки свободны, путь впереди освещен. Только это было не так, совсем не так. Луч фонаря бил куда угодно, но только не под ноги, он без конца спотыкался и норовил выпустить тяжелую ношу из рук. Игорь, а он в их тандеме считался старшим, на него то и дело ворчал. А он что?! Он разве виноват?! Снаряжение не он выбирал, между прочим. Им снабдили люди, которые были рангом выше Игоря. И на два ранга выше его самого – Валеры.

Он мог бы, конечно, на общем сходе выступить и раскритиковать закупщиков. Так, мол, и так, надо серьезнее относиться к выбору ботинок, штанов и фонарей для таких вот ночных вылазок. Не стоит экономить на важном деле. А они делали как раз его – важное дело. Даже очень важное!

Пусть кем-то считалось, что их с Игорем занятие – низшего звена. Валера даже слышал однажды, как самая красивая девушка из их общины в разговоре с подругой назвала их с Игорем падальщиками. Негромко, шепотом, но он услышал и страшно оскорбился.

– А что ты хотел, пентюх? – Игорек даже съездил ему по уху, когда Валера ему решил пожаловаться. – Чтобы она тебе улыбалась, когда ты ее глазами в столовой вместо каши ешь?

– Нет, но... – Валера потирал ухо, в котором звенело.

– Вот тебе и но! Это неприлично, во-первых.

– Что именно?

– Так тарашиться, как ты.

– А во-вторых? – Валера все еще тер ухо.

– А во-вторых, она самая красивая. И самая недоступная. И самая гордая. И ранг у нее ого-ого какой! К ней приличные парни подойти не могут. Нельзя. А ты глаза вытарашил.

– Понял... – Валера помолчал и тут же снова вскинулся: – Ну, а падальщики-то мы почему? Могильщики, скорее.

– Могильщики приличных людей хоронят. А мы с тобой всякую падаль. – Игорек подумал и добавил тихо: – Прячем...

Сейчас, в три часа ночи, они как раз тащили одного из таких, чтобы спрятать. Кем он был при жизни, оба не знали: ни имени его, ни фамилии. Какой-нибудь торчок или алкаш конченный, примкнувший к общине, чтобы не сдохнуть зимой под кустом от холода и голода, совсем не зная о порядках, которые тут царили. А порядки были жесткими.

Нельзя было пить, курить, употреблять наркотики и всякую дрянь, хотя бы намекающую на содержание в ней наркотических веществ. Не приветствовалась матерная брань. За это не выгоняли, нет. За это наказывали. Всех по-разному.

Нельзя было заводить любовные интрижки и бегать на глупые одноразовые свидания. Блуд был не для этого места. Если у кого-то случалась любовь, то их тут же принуждали вступать в брак.

Регистрировался ли этот брак в официальном порядке, Валера не знал, как не знал и того, как совершаются расторжения этих браков. А они расторгались, точно. Пары менялись без конца.

Все, что здесь можно было делать без особого на то разрешения, – это работать. Труд приветствовался и поощрялся. Хорошо работая, можно было пойти на повышение. У Игоря вышло. Валера пока топтался на низшей ступени. Ему приходилось время от времени таскать ночами жмуриков и закапывать их в лесу.

Первый раз был самым страшным. Его рвало, трясло, он даже принимался плакать, когда пришлось ковырять землю ломом, а потом укладывать труп в яму. Было это...

Точно, в прошлом декабре. Холод тогда стоял невозможный. У Валеры сводило зубы, так он промерз. Было снежно, темно и страшно. Он задавал Игорю много вопросов. Боялся, что их кто-нибудь увидит, и тогда тюрьмы не избежать. Но Игорь ему ответил:

– Не ссы, Валерик. У старших все схвачено.

– Что схвачено? Тайком трупы прятать в лесу? – стучал он зубами от холода и страха, выбрасывая лопатой из ямы комки мерзлой земли. – У них что, свидетельство о смерти на каждого жмура имеется? Думаю, нет.

– А знаешь почему? – спросил тогда Игорек.

– Почему?

– Потому что это... – он пнул окоченевшее тело наркомана, – неучтенка.

– То есть?

– Их никто не ищет, их никто не ждет, у них нет паспортов. Их в природе уже давно не существует, понимаешь? Если их кончину официально регистрировать, проблем не оберешься. Ведь для начала нужно было их прибытие в общину как-то оформить, так?

– Логично, – кивнул Валера.

Он слушал очень внимательно.

– А как их оформлять? Они же бегут через день. Его зарегистрировали, а он сбежал и где-нибудь совершил преступление. Отвечать кому? Тебе? Мне? Нет... Эти твари, давно переставшие быть людьми, либо бегут, либо откидываются. Как вот этот. – И Игорек снова пнул тело. – Их кормят, дают им работу, пытаются на путь истинный наставить. А они что?

– Что?

– Где-нибудь за забором сшибут какой-нибудь дряни, уколются, а потом издыхают на наших койках. Не за забором, заметь. У нас! И что теперь, из-за них общину распускать? И куда мы тогда с тобой пойдем, Валерик? Снова под железнодорожный мост? С крысами жить?

К крысам под мост, где им с Игорем пришлось какое-то время жить, Валера категорически не хотел, поэтому больше вопросов никаких не задавал. Он исправно делал свою работу. Но!..

Перед тем как зарыть тело, он тайком от Игоря задирает на умершем рукава и проверял вены. Да, его друг не врал, все покойники оказывались конкретными торчками. Все руки были исколоты.

Тот, кого они тащили сегодня, напился какой-то технической дряни и почти сразу помер. Его пытались спасти и наставить на путь истинный, Валера сам был свидетелем. Парня кодировали, прибежали к лечебному гипнозу. Но все оказалось бесполезным.

– Он сам выбрал себе судьбу, – с сожалением произнес сегодня старший, вручая им ключи от старенького внедорожника. – Жаль... Очень жаль... Думал на новогодние праздники переселить его в ваш дом из барака. Не вышло. Жаль.

Когда Валера услышал о том, что алкаша собирались поселить к ним с Игорем, он, спаси Господи, даже возрадовался, что так все вышло. Не нужен им третий в доме! Что за радость! У них, конечно, старенькая изба, воды в ней нет и канализации. Они с Игорем таскали воду в ведрах из старого колодца, а в туалет бегали на огород в деревянное строение. Но зато в их избе была старая русская печка. Это настоящее чудо! Валера всегда на ней отогревался после ночных вылазок в лес. И еще целых три комнатки. Они с Игорем по умолчанию заняли по одной, а из третьей сделали что-то типа гостиной. Соорудили стол, две скамейки и вечерами играли там во всякие интеллектуальные игры, которые были рекомендованы старшими.

После житья под мостом эта старая изба казалась Валерику замком, и делить его с кем-либо еще он точно не желал. Именно по этой причине он тащил сейчас по лесу жмура не

без внутреннего удовлетворения. И спотыкался без конца только потому, что спешил, а не по причине плохой спецодежды и неправильно отрегулированного освещения.

– Помнишь прежнее место? – вдруг встал Игорь. – Что-то мне кажется, мы заплутали.

– Нет. Идем верно. У меня тут свои зарубки. Идем. Давай уже быстрее все сделаем и свалим. Холодно.

А в избе печка истоплена. Чайник доверху, и заварка душистая из лесных трав, которые они летом всей общиной собирают и сушат. А еще им сегодня, по причине ночной работы, старший выдал по пакету имбирных пряников. Это же какой пир они с Игорем устроят, когда вернутся! Ароматный огненный чай вприкуску с имбирными пряниками. А потом на печку и выспаться как следует. Утром на работу будет не надо, старший дал по отгулу.

– Куда сейчас-то? – снова встал за его спиной Игорь, тащивший умершего за ноги. – Валер, я ни хрена не вижу из-за твоего фонаря!

– Тут это, еще десять метров. Иди, не стой. – Он потянул ношу вперед, и Игорю пришлось поспешить за ним. – Вот здесь, за этими кустами. Видишь ленточка? Это я привязал в прошлый раз.

Вообще-то делать это ему три месяца назад приказал старший.

– Мы так с вами весь лес перекопаем, – недовольно надул он губы, узнав, что Игорь с Валерой каждый раз выбирают новые места. – Самую чашу разбейте на сектора и по четыре-пять экземпляров там оставляйте.

Так ведь и сказал – экземпляров! Валеру тогда это покорило. Он мысленно выругался, но промолчал. Даже Игорю ничего не сказал, подозревая, что тот стучит на него наверх.

Приказ они выполнили. Места, которые предполагалось еще использовать, Валера помечал ленточками. Сейчас они как раз дошли до такой. Бросили тело на мерзлую землю, расчехлили лопаты. Подсвечивая фонарем и сдвинув его почти на глаза, Валера нашел место, где он копал несколько недель назад. Место было новым, там лежал всего один. Теперь они принесли второго.

– Мрут как мухи, мать их... – проворчал он, скидывая ношу у кустов.

– Пить надо меньше, – запыхавшимся голосом отозвался Игорь и схватился за лопату. – Давай быстрее покончим с этим да домой. Там тепло, пряники.

Надо же! У них даже мысли сходятся. Игорь посветил в сторону друга.

– И чай. И печка, – он улыбнулся. – Мы быстро. Хоть и подморозило, но земля копаная, сильно не промерзла. Мы мигом.

Все вышло быстрее, чем они думали. Верхний слой даже не промерз как следует. Комки рассыпались, яма увеличивалась.

– Ты сюда, левее, чтобы того не тронуть. – скомандовал Валера.

– Он упакован, – пробубнил тот. – Как мумия.

– Все равно. Противно.

Игорь послушно сдвинулся влево и активно заработал лопатой. Валера трудился с ним рядом. Прошло минут пятнадцать. Они вырыли много, но еще недостаточно. Выбрались из ямы. Валера достал фляжку с водой. Они попили по очереди. Сняв с головы фонарь с резинкой, Валера вытер пот со лба, посветил в яму.

– Еще минут пять и... Погоди, это что там?

– Где? – не понял Игорь и даже попытался пошутить, фыркнув с нервным смешком. – Могила там, брат.

– Нет, погоди, Игорек. Смотри, куда свечу! Что там блестит?

Они подошли к самому краю, уставились на луч, высверливающий в рыхлой земле световую дыру. В самом ее центре, в самом деле, что-то сверкало.

– Стекляшка, может, какая-то? – предположил Игорь.

– Откуда? На двухметровой глубине в чаще леса стекляшка?! Это что-то...

– Значит, жук, спящий, – кивнул Игорь.

– Нет, брат, это не жук.

И Валера, сам не зная зачем, прыгнул туда, присел на корточки и принялся разгребать землю руками.

– Ты прямо как археолог. – Игорь хихикнул, но как-то невесело. – Чего там?

– Смотри сам! – выпалил Валера почему-то шепотом и сел на землю. – Рука! Это рука, Гоша! Женская!

– Эй, ты охренел, что ли? Крыша съехала? Тоже на что-то подсел?! – запричитал Игорек, заполошно бегая по краю ямы. – Учти, я тебя хоронить не стану, придурок! Я...

– Заткнись. – простонал Валера. – Смотри!

Он направил луч фонаря на то, что его так напугало. Игорь свесился над ямой и тут же почувствовал дикую, болезненную тошноту.

Из земли торчала изящная женская рука. Левая, отстраненно определил Игорь, изо всех сил стараясь, чтобы не наблевать Валерке на голову. На безымянном пальце на руке был надет перстень с каким-то камнем, его блеск и отразился в луче фонаря, привлек Валеркино внимание.

– Кто это, Валера?! – прошипел Игорь.

– Я не знаю, – задушенным голосом отозвался тот и вдруг начал активнее работать руками, пытаясь разгрести землю.

– Не надо! – взмолился Игорь и захныкал. – Не надо. Зачем?

– Я хочу знать... – иступленно шептал друг. – Я хочу знать... Кто, за что, почему?!

Он разрыл руку до локтя, убедился, что следов от уколов нет, вены чистые, и принялся рыть дальше. Игорь, забыв про мороз и декабрь на улице, сел на краю ямы, подтянул колени к подбородку, уложил на них голову и, зажмурив глаза, начал тихонько подвывать. Только один раз он глянул в яму снова, когда Валерка полностью отрыл женское тело.

– Нет. Я ее не знаю, – прошептал он и уполз на четвереньках ближе к кустам. Его начало рвать.

Валерка справился сам. Он осмотрел тело женщины, потом свалил рядом того, кого они тащили через чащу леса. Выбрался наверх, забросал яму землей, потопал сверху. И напоследок, сорвав с ветки ленточку, поволок друга через лес к машине.

Там, на запущенной лесной дороге он его отряхнул, встряхнулся сам и впихнул Игоря на пассажирское сиденье. Сам сел за руль, и они поехали. Молчали почти всю дорогу. Уже у самых ворот, венчающих двухметровый забор, Валерка разлепил губы:

– Игореша, нам надо молчать.

– Что?! Ты о чем?! – Игоря трясло, желудок разламывался от боли.

– Нам надо молчать о находке. Мы ничего не видели. Понял?

– Да. А кто... Как ты думаешь, кто это?

– Я не знаю. И знать не желаю. Но... – И тут Валерка повернулся к нему, схватил Игоря за воротник спецовочной куртки, с силой дернул на себя и зашептал прямо в ухо: – Но я знаю одно: тут творится нечто неладное. Не то, что всем говорят. И нам с тобой, брат, надо делать отсюда ноги.

– Но как?! Это невозможно! Это...

Игорь трясся всем телом. И Валера неожиданно подумал: слабак. Странно, что он на голову выше его в должности.

– В следующий раз, когда повезем очередного «нарика», мы сбежим. В следующий раз. А пока молчим.

Глава 2

Он вышел из подъезда и сощурился от яркого солнца. Притормозил, задрал подбородок, глубоко подышал. Пахло замечательно – подмороженной водой. Ни с чем не сравнимый запах свежести. Утренней свежести. Или свежего утра? Как будет правильнее? Наверное, нет существенной разницы.

– Может, уже будем двигаться?

Под колено больно ударило. Игнат обернулся, растерянно моргнул. Женщина со второго этажа, кажется, ее звали Нина Ивановна, стояла сзади с двумя огромными сумками и недобро смотрела Игнату в верхнюю пуговицу зимней куртки.

– Простите. – Он сделал пару шагов, придержал подъездную дверь. – Может, помочь вам?

– Справлюсь, – буркнула она, не поблагодарив, и ушла в сторону мусорных контейнеров. Игнат со вздохом глянул ей вслед, снова задрал голову вверх, но повторить ощущение прежнего блаженства не вышло. Недобрый взгляд пожилой женщины сделал свое дело. Запачкал новый день.

Он спустился по трем бетонным ступенькам, прошел по асфальту, поскрипывающему под подошвами от мороза, до автомобильной стоянки. Неуверенно нажал кнопку сигнализации на брелоке. Новенький внедорожник интеллигентно моргнул дорогими фарами. Игнат подавил улыбку. Ему до сих пор не верилось, что он стал обладателем такого автомобильного чуда. Это чудо подогревало сиденья и руль с зеркалами, работало тихо, уверенно, не фырчало и не плевалось черным дымом. Оно аккуратно везло его по городу, предупреждая милым женским голосом обо всех городских пробках и камерах. А еще оно великолепно транслировало все радиоканалы, которые только можно было поймать, без скрипа, потрескивания и свиста. Звучание было объемным, красивым. Звук обволакивал Игната, кутал его с головы до ног. И он – не имеющий ни слуха, ни голоса – каждый раз подпевал, а потом счастливо хихикал.

– Жена-то твоя где? – вдруг громко спросил его женский голос.

Игнат как раз протирал стекла на водительской двери, без особой нужды – стекла были чистыми. Ему просто нравилось касаться этого заграничного чуда, чувствовать себя его хозяином.

Он выпрямился, застыл. Яркая, дорогая, специально для иностранного чуда купленная тряпка повисла в его руках флагом не существующего государства.

Нина Ивановна! Вернулась с помойки и стояла перед его машиной, потряхивая пустыми сумками.

– Что, простите?

Он слышал, о чем она его спросила. Просто любил прикинуться глухим, когда дело касалось таких вот досужих вопросов.

– Жена, спрашиваю, твоя где? – повторила вопрос Нина Ивановна.

Она не перестала трясти пустыми сумками, из них летел мелкий мусор, пыль, и это жутко раздражало Игната, потому что все это сыпалось на его машину. На его любимое заграничное чудо, сверкающее в свете ярких солнечных лучей новогодним елочным шариком.

– А вам зачем? – ответил он вопросом на вопрос.

Просто из вредности. Он не намеревался скрывать местонахождение Ларисы. Зачем? Но вот этой женщине отвечать он точно не станет.

– Белье повесила за балкон, оно замерзло и гремит! – повысила голос Нина Ивановна. – Мне спать ночью надо, а не слушать, как ваши замерзшие кальсоны стучат по кирпичам!

Она злится? Игнат внимательно глянул на пожилую женщину. Брови сдвинуты, рот поджат, а глаза смотрят с азартом, что странно. Она злится или пытается вывести его из равновесия? Ему были знакомы такие вот экземпляры – любительницы зарядиться с утра чужой энер-

гией, охотницы за жизненными силами. Эдакие энергетические вампиры, высасывающие из вас саму жизнь.

– Хорошо. Белье снимем, – ответил он коротко.

Кивком подтвердил, что все сделает именно так, как сказал, и принялся аккуратно складывать яркую тряпку для автомобильных стекол.

– Снимут они! – фыркнула Нина Ивановна со странным весельем. – Они! Будто я не знаю, что Лариска уехала!

Игнат сложил тряпку, сунул ее в пластиковую трубу. Убрал в карман двери. Сунул ключи в замок зажигания, – он дотягивался, был высоким, и руки у него – длинные. Потом потопал ногами, отряхивая ботинки от лишней пыли, собираясь залезть в салон.

– Скажи, Игнат, уехала Лариска-то? Или бросила тебя? Бросила, бросила, я знаю!

Он с такой силой стиснул зубы, что почувствовал, как что-то хрустнуло в старой коронке – сверху, слева. Ну, что за стерва, честное слово, а?! Вот не захочешь, а гадостей ей пожелаешь! Так ведь утро хорошо началось: солнце, погода прекрасная, свежестью пахнет. Впереди целый день, который он намеревался прожить счастливо. Как и всю оставшуюся жизнь.

– Что вы знаете, Нина Ивановна? – он глянул на соседку с нижнего этажа, стараясь, чтобы взгляд вышел кротким, не дерзким.

– Бросить она тебя собиралась. Мне же слышно все.

Она паскудно улыбалась, вызывая его на поединок. Это ясно, как божий день. Такие, как она, найдут причину для словесной драчки. У них в карманах всегда имеется запас перчаток.

– Что вам слышно, Нина Ивановна? – Игнат склонил голову набок и нежно улыбнулся.

– Мне слышно, как она кричит! – выпалила женщина и с такой силой трянула сумками, что посыпавшаяся труха полетела прямо на сверкающий чистотой капот. – Почти каждую ночь кричит!

– А вам не приходило в голову, что моя жена кричит от удовольствия? Что это крики во время секса? Вы знаете, что такое секс, Нина Ивановна? Вам знакомо это понятие? Или в вашей жизни его никогда не было? – он вбивал по слову в ее тупую голову, с удовольствием наблюдая за ненавистью, в которой тонул ее взгляд. – Лариска очень любит постонать, покричать, когда я ее ласкаю. И – да, вы правы, почти каждую ночь. Потому что я почти каждую ночь люблю свою жену. А? Что скажете?

– И что же, рыдает она тоже по этой причине? – все еще не хотела сдаваться старая сука.

– Случается, – ответил он ей с масляной улыбкой. – Или когда ноготь сломает. У вас все?

Взмахнув напоследок сумками, как огромными крылами, Нина Ивановна развернулась и побрела к подъезду.

Игнат поднял глаза к балконам. Надо же, не соврала: в самом деле, на балконе замерзшее белье окоченело. Штанины его джинсов на морозе превратились в две доски, ветер трепал ими и стучал о кирпичную кладку лоджии. Не факт, конечно, что так громко, но что-то явно слышно Нине Ивановне. Что-то было слышно...

В кармане теплой зимней куртки завозился телефон. Игнат глянул на дисплей. Звонила помощница Любочка.

– Алло, – произнес он тем самым волнующим ее воображение голосом – низким и негромким.

– Игнат Федорович, вы уже на работе? – Любочка комично шмыгнула носиком.

– Машину прогреваю на стоянке возле дома, – немного приврал Игнат.

Он ее еще не заводил. Время, отпущенное на это, он потратил на безумный разговор с безумной соседкой.

– Ой, как хорошо, что вы еще не уехали! – воскликнула Любочка. – Может, заберете меня с остановки? Я опоздала на автобус.

Вообще-то у Любочки была своя машина, и водила она мастерски. Но вот с некоторых пор она почему-то предпочитала ездить с ним. Заподозрить ее в экономии средств на бензин Игнат не мог – Любочка не была стеснена в средствах. А вот в неожиданно возникшей симпатии с ее стороны...

Игнат почувствовал, как в груди заворчалось нечто волнующее, запускающее по телу странные живительные токи. Ему нравилось думать, что Любочка им увлечена. Эта мысль, в сущности пустяковая и возникающая в голове не так уж часто, заставляла его чувствовать себя еще молодым и достаточно свежим, приучала его каждый день надевать чистые сорочки и чистить обувь. Она вынудила его купить дорогую французскую туалетную воду и еще дезодорант – непременно лучшего качества. Душ каждое утро. И ополаскиватель для полости рта.

Лариска перемены в нем тоже заметила, и ей это понравилось. Просто, дуреха, приняла это на свой счет. Не могла подумать, что он так ради Любочки старается. Скорее даже не ради Любочки, а той будоражающей нервы мысли, что он ей интересен. Она была гораздо приятнее фантазии о том, что он когда-то вдруг осмелится Любочкой обладать.

Она стояла на автобусной остановке. Игнат заметил ее еще издали. Он ехал медленно, и у него был момент ее как следует рассмотреть. Да, спору нет, она соответствовала всем современным требованиям: высокая, тоненькая, стройные длинные ноги с красивыми коленными чашечками. Пухлые губы, большая грудь, широкие брови и точеный носик – все доведено до ума у знакомого пластического хирурга. Любочка это не скрывала. Красивые тряпки, шикарная прическа. Была ли она красивее его Лариски? Это вряд ли. Его жена обладала уникальной внешностью. С таких, как Лариска, пишут иконы. В такие глаза, как у нее, больно смотреть – можно ослепнуть. Как от красоты, так и от пронизательности. Ее красота была невероятной, но как будто устаревшей, вышедшей в тираж. А в Любочке все было модно, ново, волнующе.

– Доброе утро, Игнат Федорович, – ее пухлые губы слегка раздвинулись в улыбке, обнажая великолепные белоснежные зубки.

– Доброе утро, Люба, – поздоровался Игнат сдержанно.

Подождал, пока она пристегнет ремень безопасности, и только тогда поехал.

– Вы сегодня какой-то... – она пощелкала пальцами, подыскивая слово.

Он не стал ей помогать наводящими вопросами, зная, какой он сейчас. Взбешенный он после разговора во дворе со старой стервой. Еще и пыли какой-то насыпала ему на капот, гадина.

– Загадочный, – выдохнула Любочка.

Ее длинные ноги грациозно переплелись, невзирая на ограниченность пространства. Красивые коленки, обтянутые тонким капроном колготок или чулок, притягивали его взгляд. Почему-то именно они не давали Игнату покоя. Милая незащищенность в них какая-то, что ли? Уязвимость? Их невозможно было сравнить с мягкой округлостью полных Ларискиных коленей. У Любочки они были особенными.

– Загадочный? – фыркнул Игнат, сворачивая к офису. – Надо же.

– Вы вообще, Игнат Федорович, очень загадочный персонаж, – продолжила развивать Любочка тему. – Смотришь на вас и не понимаешь, о чем вы сейчас думаете, где ваши мысли. Вы смотрите на меня, а словно мимо.

Он хотел было сказать, что этим взглядом обладает с рождения. Врачи даже поначалу пытались диагностировать у него аутизм, но не подтвердилось. Игнат промолчал. Нравится ей называть это загадочностью – ради бога! Больше веса в ее и его же собственных глазах.

– Игнат Федорович, а правда ваша жена уехала? – вдруг резко сменила тему его помощница.

– Что? – он дернул головой, отвлекаясь от мыслей о собственной значимости.

– Ваша жена в отъезде? – повторила Любочка вопрос.

– Почему вы спрашиваете?

Он припарковал машину на привычном месте на стоянке. Поставил на ручной тормоз, выключил зажигание. Повернулся и строго, без всякой загадочности, глянул на помощницу.

– Откуда вы узнали? – решил он уточнить. – Вы что, следили за мной? Видели, как я провожал ее на вокзал?

– Упаси господи! – фыркнула Любочка, весело и наигранно рассмеялась. – Просто услышала в одном из ваших телефонных разговоров с ней, что она собирается куда-то и вы уже купили ей билет.

– Услышали? Гм-м...

– Я не подслушивала, нет, – она ловко изобразила смущение. – Услышала случайно.

– Понятно, – он открыл свою дверь, полез из машины и кивнул, уже стоя на асфальте. – Да, она уехала.

– Надолго? – задала его помощница странный вопрос.

Почему это ее вообще интересует? Игнат насупился, подергал плечами.

– Я не знаю. Она пытается разыскать своего отца.

Любочка хлопнула пассажирской дверью. Смешно семеня в узкой юбке, обежала машину, встала перед ним и округлила шикарно подведенные карие глаза.

– Как интересно! – ахнула прямо ему в лицо. – Расскажите?

– А о чем тут, собственно, рассказывать?

Игнат пожал плечами, попытался ее обойти. Ее близость, пахнувшая дорого, свежо и волнующе, его смущала. Из окон офиса их могли увидеть. Это некрасиво.

– Ну, все же, Игнат Федорович? Как? Как все это происходит? Вижу по телевизору. Читаю в журналах. Но никогда так вот – близко – не ощущала человека, который с этим столкнулся. И почему сейчас? Ей сколько лет, вашей жене?

Вопрос был с подвохом. Игнат чуть не хихикнул и поставил Любочке плюстик. Самой ей было тридцать – летом отмечали всем коллективом юбилей – и она уже считала себя старой. Что тогда говорить о Лариске, которой сорок пять?

– Лариса разбиралась на антресолях в старой квартире матери и наткнулась на старые письма – ее отца, которого Лариса считала погибшим.

– А он жив?

– Из писем непонятно. Написаны давно, но уже после того, как ее мать его «похоронила». Идемте, Любочка.

Он жестом предложил ей пройти вперед и тут же пожалел об этом. Ее бедра, обтянутые узкой юбкой, двигались чрезвычайно красиво. Почти как в сексе, подумал он и покраснел. И тут же подумал, что кое о чем забыл с утра.

Он забыл позвонить Ларисе!

Глава 3

Пробка, в которую он попал на объездной к аэропорту, представляла серьезную угрозу. Во-первых, он опоздает к прилету жены из командировки, не встретит ее, нарвется на скандал. Во-вторых, он опоздает на службу к тому времени, до которого отпросился, и снова нарвется на скандал. На него в последние дни начальство и без того смотрит косо, а тут еще опоздание.

Алексей еще раз вбил в навигатор маршрут возможного объезда. Бесплезно. Все красное! Зато он мог повернуть назад. Через пятьдесят метров имелся съезд, потом через сотню разворот, и через пятнадцать минут он на работе.

Он еще раз проверил все возможные варианты, быстро набрал сообщение жене, что не может встретить – обстоятельства. Получит, когда самолет приземлится, будет психовать. Но к его возвращению домой – поздно вечером, а раньше он никогда не приходил – остынет.

Хотя не факт.

Алексей упорно вклинивался в ряд машин справа, не обращая внимания на сердитых водителей, бьющих ладонями по сигналу.

Хотя не факт, что она остынет. В последнее время их отношения достигли пика в семейном кризисе. Оттуда было два пути: либо вниз – в пропасть, либо к началу. Он предпочел бы второе, готов был на все сто к перезагрузке. Что на этот счет думала его жена, он не знал. Она стала замкнутой, скрытной. Они мало разговаривали, еще меньше времени проводили вместе. Общего свободного времени не было: либо он работал, либо она. Было ли так на самом деле, он тоже не мог сказать. Но иногда ему казалось, что жена нарочно придумывает себе занятость, лишь бы не оставаться с ним наедине подолгу.

На службу он приехал как обычно. Без опозданий.

– Чего так рано? Не поехал встречать свою Алену Прекрасную? – приветствовал его вопросами напарник Женька. – Рейс перенесли?

– Никто ничего не переносил. – Алексей с порога запустил кепку на стол, стащил с плеч куртку. – Встал в пробке намертво. Навигатор показывал два часа до аэропорта.

– Трэш! – протянул Женя, вытаращив глаза. – Куда все едут, а, Леха? Куда?

Вопрос не требовал ответа, и Алексей промолчал. Повесив куртку на старую вешалку со сломанной перекладиной, он пошел к столу, на ходу спросил:

– Есть что-то?

– Тьфу, тьфу! – Женя обмахнулся крестным знаменем. – Дышать боюсь и сплзить. Слышь, Леха, а может, все преступники тоже в пробках застряли? Пусть простоят там до вечера, а? И ночь бы прихватили. Я бы тогда со своей девушкой в театр ходил. Ты вот, Леха, помнишь, что такое театр?

Театр? Алексей поднял на него взгляд. Театр его Алена не любила – не звала никогда, он и не настаивал. Хотя в юности мама часто его туда заманивала, и ему нравилось. А потом, после женитьбы, как-то отпало. Алена любила цирк, каток, экстремальные виды спорта. Командировки на работе выбирала такие, где можно было покататься на лыжах, скейтборде, полазить в горах. Любила она опасность. Ветер, по ее понятиям, должен был сбивать с ног, а не слегка ерошить волосы.

Ему лично опасностей на работе хватало. Дома хотелось тишины, уюта, покоя, чтобы Алена, как бывало раньше, ходила по дому в мягких тапках, пушистом халате, с неизменной чашкой чая в руках и мурлыкала всякую женскую чепуху про салоны красоты, платяшки к празднику, бассейны и абонементы. А он бы слушал, кивал и обещал все это для нее сделать.

Так было раньше: первые три года их совместной жизни. Мило, не хлопотно. Они жили как солнечные ванны принимали. В последний год все поменялось. Как-то вдруг, незаметно, поэтапно, но поменялось настолько круто, что Леха с некоторых пор перестал узнавать свою

жену. Совсем! Будто в один прекрасный момент в ее прекрасном теле поселилась незнакомка с холодным злым взглядом, чужим голосом, произносящим какие-то странные слова. Это была совсем не его Алена – не та, на которой он женился, которую любил и с которой собирался прожить всю жизнь и вместе состариться.

Именно эту – чужую Алёну он провожал неделю назад в аэропорт, и ее же должен был сегодня встретить. Если честно, даже рад был представившейся возможности этого не делать. Причина шикарная – застрял в пробке.

– Мальчики, привет.

В кабинет заглянула Маша Проворова. Она служила в дознавателях и очень хотела перебраться к ним в отдел. Всячески выслуживалась, и иногда так, что Леше становилось неприятно, но Женька ее всегда оправдывал.

– Девчонка просто хочет настоящего дела, а не заявления о пропаже белья с веревок перебирать. Чего ты?

Чего? Он ничего. Просто Маша с некоторых пор стала проявлять к нему какие-то странные чувства – нечто большее, чем просто уважение к коллеге по работе, – его это немного напрягало.

– Она тебе совсем не нравится? – Женя крутил пальцем у виска. – Пока твоя Алёна себя ищет, Машка – вот она, рядом! Пользуйся не хочу!

Он не хотел пользоваться. Ему надо было либо все, либо ничего. Такой вот он был старомодный – майор полиции Чекалин Алексей Иванович, тридцати одного года от роду, не курящий и не особо пьющий.

Маша дождалась ответного приветствия, зашла в кабинет. Прошла между их столами, демонстрируя ладно сидевшую форму и красивые ноги в ботиках на высоких каблуках. Встала у подоконника, глянула загадочно.

– А я к вам за консультацией, братья по разуму.

– Весь внимание, – широко улыбнулся Женя, растопыривая руки, как для объятий.

Леша лишь кивнул, открывая какие-то ненужные файлы и тарачась в монитор. Смотреть на Машу ему не хотелось, – не потому, что она ему вовсе не нравилась или была противной. Нет. Маша была девушкой красивой, умной и не раз почти в открытую заявляла о своих симпатиях к нему. Но она...

Она была ему не нужна! Ну вот совсем не нужна Алексею. И чего ему тогда ей голову морочить? Смысл? Переспать с ней, чтобы уж точно убедиться, что она ему совсем не нужна, и бросить?

Он не такой. Он старомодный. Он за честность в отношениях. Серьезных отношениях.

– В общем, приходит сейчас ко мне один дядька и решительно пишет заявление об исчезновении своей жены.

– Три дня нет дома? – догадливо кивнул Женя.

– Не три, больше. – Маша округлила глаза и подняла указательный пальчик с идеальным розовым ноготком. – Неделю.

– А чего ждал? – Алексей поднял взгляд от монитора, по которому расплывались радужные круги заставки.

– Она у него, типа, в отъезде. Сначала на звонки отвечала, а потом вдруг бац – тишина. Телефон выключен. А он даже координат ее не знает.

– Как это? Он что, не знал, куда она поехала? – поднял брови майор Чекалин.

– Знал город, а куда и к кому конкретно – нет.

– Та-ак... Левая тема какая-то, Женя, не находишь? – Алексей откинулся на спинку рабочего кресла и скрестил руки на груди. – Жена уехала непонятно куда. Вдруг пропала. Неделю ее нет. Она перестала выходить на связь. А он только спохватился?

– Типа того, – поддакнула Маша.

– Подробности! Нам нужны подробности, Маша! – замахал руками Женя. – Куда поехала, зачем, уехала ли вообще?

– Началось все с того, что его жена разбирала вещи на антресолях в квартире покойной матери и нашла там пачку старых писем от отца. А она его считала умершим, – мать ей так говорила.

– Летчик-испытатель, – скорчил кривую ухмылку Женя.

– Типа того, – кивнула Маша. – Она нашла эти письма и решила отца разыскать в том городе, который в них упоминался.

– Лет-то сколько прошло? – уточнил Алексей. – Он мог уже и в самом деле помереть.

– Но жена моего заявителя, понимая это, все равно решила съездить туда. – Маша назвала незнакомый город. – Это где-то за Уралом. Сказала мужу, что попытается хотя бы родню отца там отыскать.

Маша на минуту умолкла, потерла пальчиком переносицу. Ее зеленые глаза неотрывно следили за Алексеем. Тот же упорно рассматривал монитор.

– Он посадил ее в поезд, – продолжила она, подавив разочарованный вздох. – Расцеловал на прощание, потом несколько раз созванивался, пока она ехала. И вдруг все, тишина. Он сначала подумал, что телефон разрядился, а в поезде не было возможности зарядить. Потом начал звонить на железнодорожный вокзал. Там подтвердили, что поезд пришел по расписанию. И еще – в вагонах есть розетки для зарядки мобильных телефонов. Он запаниковал и пришел к нам.

– А позвонить в тот город, в который она уехала, ему, разумеется, некому, – подытожил Женя.

– В том-то и дело, что некому. – Маша покусала губы, была у нее такая привычка. – Он в панике. Принес заявление. А я реально понимаю, что помочь не могу. Ему надо туда – в тот самый город.

– А он заявление написал и оставил, – покивал догадливый Женя.

– Да-а! – протянула она с сожалением. И добавила: – Блин...

– И пригрозил: если ты заявление не примешь, жалобу на тебя накает?

– Да, Женя, да. Заявление оставил, но ведь это... – она поискала приличное слово и не нашла. – Это же полная задница, ребята!

– Согласен, – вставил вдруг Алексей. – Неприятно. Но!

– Но?

Две пары глаз уставились на него: одна с любопытством, вторая – с надеждой.

– Не все так безнадежно.

– Начинать-то с чего? – беспомощно заморгала Маша.

Вот поэтому она все еще в дознавателях. Алексей вздохнул. Кропотлива – да. Умна. Но в сыскной работе ей всегда был нужен стартовый пинок. Не может, никак не может начать сама.

– С нашего вокзала. Установи, во-первых, каким поездом она уезжала. Отыщи проводника. Сейчас все билеты продаются по паспортам, по ним же идет посадка. Это очень хорошо. Установишь – опроси. Так, мол, и так, садилась ли в ваш вагон такая-то дама? Провожал ли ее кто? На какой станции сошла? Встречал ли ее кто? Если она не помнит ни провожавшего, ни встречавшего, сделай запрос на вокзалы. Может, вагон попался в камеру видеофиксации. Установи личности. Далее...

Алексей вдруг замолчал. Ему вдруг показалось, что он уже где-то слышал название городка, куда отправилась на поиски своего отца некая дама. Но вот где?

– Что далее? – поторопила его Маша.

– Письма. Ты видела эти письма? Твой заявитель что говорит по этому поводу? Он их читал? Видел? Содержание знает?

Алексей глянул на Машу, подивился ее привлекательности, но так, походя, без особого интереса. Она ведь ему не нужна. Ну, совсем.

– Письма, письма... Ага, позвоню, попрошу найти, принести, показать.

– Нет, не так. – Он поскреб подбородок. – Не надо. Лучше поезжай к нему сама. Осмотрись на месте. Может, там...

– Все стены в крови! – фыркнул Женя возбужденно.

Его задевало, что Машка постоянно на Лешу глазеет. Ну, высокий, ну, спортивный, ну, симпатичный. И что? Он – Женя – тоже не пальцем деланный. Ему вслед тоже красотки обращаются и глазки строят. И его последняя девушка куда интереснее Машки.

– Может, и в крови, – не стал спорить Леша. – Мы же с вами знаем, коллеги, что, по статистике, в исчезновении одного из супругов, как правило, виновата вторая половина.

– Я поняла, Алексей. – Маша снова покусала губы. – Приду я. Крови нет. И что дальше?

– Осмотрись. Запроси письма. Понаблюдай, откуда он их вытащит. И вытащит ли вообще.

– Ты на что намекаешь, товарищ майор? – ахнула девушка. – Писем могло и не быть?

– Могло, – он тяжело вздохнул. – А его жена могла просто искать предлог, чтобы удрать из дома. О нем наведи справки – что за человек. Опроси соседей.

– Ох, майор, ты мне наговорил работы на две недели, – сморщилась Маша. – Одной ну никак. Может... Может, съездим вместе к заявителю, а? У вас пока простой.

– Тьфу, тьфу, тьфу! – заорали оба в один голос. Потом один из них откликнулся: – Может, и съездим вместе.

Глава 4

Поселок, который община давно выкупила и оформила в собственность вместе с земельными угодьями, тонул в утреннем тумане. Валера час сидел у окна, наблюдая, как плывет между домами мутная дымка, оседающая на деревьях и кустах пушистым инеем. Через час с небольшим выглянуло солнце, все заискрилось, заиграло в его лучах. Поселок сделался сказочным. На какой-то миг Валере показалось, что сейчас из-за домов выскочат красивые сани, запряженные тройкой белоснежных лошадей, а в них Дед Мороз с пушистой бородой, в красивом кафтане, с мешками подарков. И глаза у него будут добрыми-добрыми, как у его отца, когда тот переодевался в Деда Мороза, чтобы порадовать маленького Валерку.

От воспоминаний к горлу подступил комок, глаза защипало. Как давно это было! Словно не с ним. Елка, подарки, предпраздничная суета, красиво накрытый стол. Всякие вкусности, мандаринки. Мамины нежные руки. Заботливые вопросы отца.

– Как дела, сынок?

– Сынок, у тебя все в порядке?

– Как в школе?

С годами Валерины ответы становились все короче и односложнее. Он перестал ценить семейные праздники. Удирал с друзьями то на чью-нибудь дачу, то в гараж, потом под мост, где они соорудили себе пристанище в техническом помещении.

А родители...

А он ничего сейчас о них не знал, даже живы ли они. Родители его выгнали, отреклись от него, проклинали, после того как он переспал со своей юной троюродной сестренкой. Девчонке исполнилось четырнадцать, и она совершенно точно была не прочь с ним позабавиться. Просто их застали, и она обвинила во всем Валерку.

Ее мать рыдала, заламывала руки и грозилась посадить его на двадцать лет, но потом на семейном совете было решено сора из избы не выносить. Валерка подозревал, что троюродная сестренка все же рассказала матери правду – своей, а не Валеркиной. Та так и осталась в неведении, считала своего сына совратителем малолетних. Попросту – педофилом.

С такой вот гадкой историей он прибыл сюда, чтобы выжить. Он, конечно, историю эту не рассказывал никому, даже Игорю, хотя они были закадычными друзьями. И сам к нему с вопросами тоже не лез – прекрасно понимал, что у того тоже имеется какая-то своя гадкая тайна. А иначе почему он здесь? Тут каждый с секретом. Каждый! Даже девушки. И та красивая, которая назвала его падальщиком. И даже та, которую...

Валера вздрогнул, как от удара хлыстом, вспомнив остекленевшие глаза, глянувшие на него из могилы. Почему она умерла? Как? Может, от болезни? Не наркоманка – точно. На алкогольчику тоже не похожа, он на них насмотрелся. Тогда что с ней не так? И главный вопрос: кто ее похоронил в этом месте? Оно, конечно, обозначено на карте у старшего, который рангом выше Игоря. Это было негласным правилом. Они всегда указывали точкой то место, которое еще не закрыто. Но...

Но ведь за все эти дела отвечали только он и Игорек, никто больше в лес не совался. Или нет, все не так? Может, тут вообще полный обман и они с Игорьком чего-то не догоняют? Когда их привезли сюда, по их согласию, конечно, то перво-наперво накормили. Потом отправили в баню. Дали чистую одежду. Неделю они жили в карантинном бараке, сдавали какие-то анализы. Потом их переселили в эту избу, дав подписать какие-то бумаги.

Что это были за бумаги? Что они с Игорем подписали? Убей, не скажет ни он, ни Игорек. Обстоятельства, при которых они это делали, Валера помнит, как вчера это было. В главном корпусе, в присутствии трех человек. Один из них был очень важно одет: в красивый строгий

костюм и белоснежную сорочку с галстуком-бабочкой. Он поочередно подсовывал им какие-то бумаги на красивых цветных бланках, а они расписывались, даже не читая.

Идиоты!

Валера покосился на дверной проем комнатки, которую занимал Игорек: тот беззаботно похрапывал. Его не донимали тревоги. И он почти забыл о трупе молодой красивой женщины, который случайно обнаружился в месте общинного захоронения наркоманов.

Поначалу – да, Игорек перепугался и собрался даже с ним бежать при удобном случае. Но потом включил заднюю.

– А чего мы там с тобой станем делать, Валера? Снова под мостом с крысами жить?

– Почему сразу с крысами? – неуверенно возразил Валера.

С крысами он, конечно, не хотел, еще помнил свой страх, когда засыпал: так и казалось, что во сне ему объедят нос или уши. Поэтому он прятался на ночь в толстой картонной коробке из-под холодильника.

– А где ты станешь жить, Валера? К родителям пойдешь?

– Может, и к родителям. – Он чесал затылок, вспоминая мощный удар отцовской руки. – Я у них один. Вдруг примут.

– Ты у них один! А я, на хрен, пятый! И на хрен им не нужен, – неожиданно раскрыл тайну своего происхождения Игорек. – Здесь у меня даже своя комната есть, а там даже койки не было. Спал на ватнике под батареей, чтобы не околочуриться от холода. А они, сука, водку жрали, трахались и плодились как кролики. Ты как хочешь, а я – нет, не пойду отсюда никуда. Тем более среди зимы. Ты дурак, что ли?!

– Не дурак.

– Тогда чего? Что тебе не нравится? Крыша над головой есть. Жрачка халявная, одежда, обувь. Как в санатории!

То, что за этот санаторий приходилось расплачиваться тяжелым трудом, Игорек как-то неожиданно забыл. Это сейчас – зимой, их почти не трогают. Понимают, что ковырять мерзлую землю на два метра вглубь в ночном лесу не сахар. А летом они пашут почти наравне со всеми и в поле, и в садах, и на пасеке. Выходных, заметьте, нет, только после ночных выездов в лес. Но, что странно, летом умирали мало.

– Может, потому что рабочие руки нужны, а, Игорек? – спрашивал Валера.

– Ты на что намекаешь, Валерка? – фыркал беззаботно тот. – Летом отработал чел свой ресурс, а зимой его кормить не выгодно? Они его и того?

– Ну, типа, да.

– Дурак снова. Просто... – Игорек в этом месте делался важным, его словно раздувало от самомнения. – Просто летом этим наработкам некогда ерундой заниматься. Работать надо. Навкальвается, и вкальвать что-то себе уже сил нет. А зимой времени свободного много. Броди по поселку, ищи приключений на вину.

– Ага. Только где они находят эти приключения? Голуби им, что ли, с воли герыч носят?

На этот вопрос у Игоря ответа не было. Он многозначительно молчал, а потом просто разводил руками. И на другие вопросы у Игоря ответов не нашлось. Например, на что вообще существует община, на какие средства? Что проповедует? У них, конечно, бывали собрания каждую пятницу, праздники по субботам, но никакой религией и в помине не пахло.

– А тебе что, на дырку в стене непременно молиться надо? – фыркал друг. – Мне лично это не нужно. Дают кров и стол, много взамен просят. И ладно. А все эти идеи и прочее... Нее, не хочу.

Валера после недолгих споров с Игорем обособился, а ответы на вопросы стал понемногу искать. Сам у себя спросит, сам и ответить пытается. Лезть к кому-то было нельзя – сдадут. Довериться он мог только Игорю, и то не во всем. Не стал он ему рассказывать, какой у него

вчера вечером разговор состоялся с одним из вновь прибывших в общину. Он поначалу так и подумал: тот новичок.

Валера как раз шел с ужина, когда нос к носу столкнулся с их доктором.

– Как дела? – притормозил тот, с мягкой улыбкой глянул в лицо. – Ты мне не нравишься. Что-то беспокоит?

«Да, да, еще как беспокоит! Какого хрена вы тут все делаете с людьми?! На что живете? – захотелось заорать Валере. – Похлебка с картошкой, понятно – сами растим. И кур, и свиней, даже коровы есть с лошадьми. А вот джипы новенькие откуда? У вас докторов, к примеру, за год два поменялось. На какие средства? Кто зарплату платит?»

Ничего он этого не сказал. Пожал плечами и просто сказал:

– Так, тоска какая-то навалилась.

– Зима. Солнечных дней мало, – покивал доктор.

Протянув руки, он опустил Валере нижние веки, заставил показать язык.

– Все чисто, в норме, – покивал доктор. – Идем со мной, померяем давление и температуру. И витамины тебе пропишу.

«После этих витаминов Игорек меня в яму-то и свезет», – мелькнуло в его голове. Решил, что ни под каким видом пить их не станет.

Давление оказалось пониженным, температура в норме. Доктор сразу обрадовался причине Валериной хандры. Выписал указание для поваров поить его крепким сладким чаем. Насыпал в руку горсть желтых таблеток и велел принимать на ночь.

– Ничего, все пройдет, – пообещал доктор, провожая его до порога медпункта. – Работа у тебя морально тяжелая, вот хандра и накатила. Скоро весна. Солнышко выплянет...

До весны было еще как до Пекина ползком – первый месяц зимы только набирал обороты, – но Валера не стал напоминать об этом доктору. Тепло пожал руку, поблагодарил и пошел к своей избе. И, не дойдя до нее метров пять, наткнулся на новенького.

Тот стоял возле соседнего сруба и, склонив голову к плечу, внимательно следил за клубами дыма из трубы.

– Это что – крематорий? – спросил человек негромко. – Дым такой...

– Почему крематорий? – перепугался Валера.

И тут же принялся вспоминать, кто живет по соседству.

– Просто я не видел кладбища, – спокойно отреагировал новичок. – Тут все бессмертные или их сжигают? В этом доме?

– Нет. Не сжигает никто никого. И кладбища, правильно, нет.

– Никто не умирает? – тонкогубый рот на бледном лице сложился недоверчивой дугой. – Рай на земле?

– Умирают, почему, – ответил Валера. – Просто предпочитают быть похороненными на родине, рядом со своими родными. Это есть в договоре на проживание.

Он лично такого пункта не видел, но что-то подписывал. Люди говорили, что это там упоминается. Он поверил. Да и не хоронили они с Игорем никого кроме конченных алкашей и наркоманов. А старики, бывало, умирали, да.

– А-аа, понятно. Тогда это все объясняет, – новичок повернулся к нему, осмотрел. – Сам-то давно тут?

– Прилично, – не стал уточнять Валера.

– И как тебе?

– Нормально. Лучше, чем там, за воротами, – ответил он и нисколько не соврал. – Отношение человеческое. Жилье. Еда. Одежда.

– Ну да, ну да, это важно, – рот новичка снова скептически выгнулся. – А что отписал им за эти блага конкретно ты?

– В смысле? – не понял Валера.

– Ну, что у тебя было: квартира, дом, дача, комната в коммуналке? Что ты подарил общине в обмен на безбедное существование?

– Ничего, – неуверенно отозвался Валера. – У меня ничего не было и нет.

– Не верю, друг!

Новичок выдернул из-за спины руки в перчатках. Валера увидел – перчатки дорогие, кожаные. И только тут отметил, что и куртка на меху на новеньком из настоящей кожи – тонкой, блестящей. И свитер с высоким горлом дорогой. Кроссовки зимние фирменные.

– Если не было у тебя на тот момент ничего, значит, ты что-то собирался унаследовать. Родители у тебя были?

– Были. Почему были? Они и есть! – выпалил он звенящим от странной обиды голосом.

– Они были у тебя на тот момент, когда ты тут поселился. Сейчас ты об этом не можешь знать наверняка. Не так ли? – незнакомец продолжал ухмыляться. – Так... А у родителей твоих что-то имелось? Какая-то недвижимость?

– А тебе-то что? Любопытный больно! – разозлился Валера. – Не успел поселиться, а уже вносишь какой-то раздор.

Тут же некстати вспомнилось бабкино завещание, в котором она отписывала отцу квартиру в Москве – тесную, старенькую, неухоженную двушку, но где-то в центре. И родительская квартира: большая, просторная, на третьем этаже в элитном микрорайоне их городка. И дача в пригороде. И машина отца...

– Вот видишь, парень, как все просто. – Незнакомец сделался серьезным. – Вы – идиоты – подписываете документы, не читая. Все на доверии. Потом решаете вернуться, а некуда! Вы все, оказывается, уже подарили дяде.

– Я ничего не дарил. Мне нечего, – повторил Валера, ни в чем уже неуверенный.

– Значит, подписал генеральную доверенность. И если станешь наследником, то ничего не получишь. Все унаследует дядя с доверенностью, выданной тобой лично, – кивнул незнакомец и ткнул Валере в грудь пальцем в теплой перчатке. – И я тут не селился. Я адвокат, представляю интересы одной своей клиентки, которую ваши добрые дяди оставили нищей. Так что подумай, парень. Есть ли у тебя недвижимость? И почему ты тут? Вот тебе моя визитка. Звони, если что...

Глава 5

– Я получила распечатку звонков с телефона заявителя. Все так, как он рассказывал... Маша запыхалась, еле поспевая за ним. Он шел очень быстро. Шагал нервно, широко. Не Маша была тому виной, а утренний разговор с Аленой.

– Я уйду от тебя, – заявила она за завтраком.

Он даже не понял сразу, что она имеет в виду. Сидели за столом напротив друг друга, ковырялись вилками в подгоревшей яичнице, запивали чаем. Хмурились, да. Но не скандалили, не спорили. Обыденно все было. Как всегда. И вдруг она заявляет...

– Куда? – спросил он, не поняв. – Тебя подвезти?

Он честно ничего такого не имел в виду и поддеть ее не пытался, как и перевести все в шутку. Спросил и глянул с улыбкой, а Алена запустила в него вилкой.

– Тварь! – прошипела она незнакомым голосом. – Какая же ты тварь, Чекалин! Ненавижу тебя!

– Так, стоп.

Вилку он, конечно же, поймал на лету, в глаз она ему не попала. Только кусочек масляной яичницы шлепнулся на грудь, прямо на чистую рубашку. Придется переодеться, но это не смертельно.

– Что за истерики с утра, Лена? – Алексей нахмурился. – Ты плохо спала?

Спросил, потому что не знал, спала ли она вообще. Она ушла из спальни в тот момент, когда он туда вошел, заперлась в гостиной с планшетом. Он еще долго наблюдал полоску света под дверью, пока не уснул.

– Я нормально спала, – прошипела она, сверля его лицо ненавидящим взглядом. – И в моей жизни вообще все нормально! Все! Нормально! Когда в ней нет тебя. И поэтому я от тебя уйду.

– Та-ак...

Алексей взял со стола салфетку, сгреб с рубашки кусок яичницы, швырнул все на стол. Ответил жене точно таким же взглядом.

– Что я пропустил, женщина? У нас появился любовник?

– Не твое дело! – выпалила она, и по губам змейкой скользнула поганая ухмылка. – Я подаю на развод.

– Повод?

Он откинулся на спинку стула и подумал, что вопрос был лишним. Ответ незримо витал в их доме давно, он просто не хотел замечать, делал вид, что все нормально, ему просто кажется, будто она охладела к нему.

– Я не люблю тебя больше, – высокомерно цедя по слову, ответила жена. – Ты – ничтожество. Ты не достоин меня.

Алексей поперхнулся едкой слюной и принялся кашлять. Алена не попыталась вскочить и постучать ему между лопаток, как это бывало раньше. Просто сидела и смотрела, как он задыхается. А он в этот момент ненавидел себя больше, чем всю эту долбаную ситуацию, навязанную ему женой. Представил, как выглядит: красный, с выпученными глазами, и возненавидел еще больше.

– Хорошо. – Он глотнул чая, отдышался. – Когда это началось, Лен? Давно или сразу после командировки?

– При чем тут командировка? – взвилась она. – Что ты начинаешь?!

– Просто до отъезда ты не заикалась о разводе. И вдруг...

– Это ни при чем, – она покусала губы, о чем-то на пару минут задумалась. – Прими и смиришься. Не пытайся меня вернуть. Я все решила.

– Хорошо, – кивнул Алексей.

Он не смирился, конечно, и не принял. Просто сделал вид, что уважает ее выбор. Так было надо – для того, чтобы вытащить из нее побольше информации.

– Жить где станешь? Ты ведь понимаешь, что это квартира моих родителей и она не будет делиться при разводе? И я – да – не буду благороден настолько, чтобы уйти отсюда с котомкой, позволив тебе привести мужика.

Он был честен. Все так и будет, и она об этом знала с самого начала. Если бы у них были дети...

Это бы все изменило. Но детей не было. Алена всегда тянула с этим и даже говорить ему на эту тему не позволяла.

– Мне не надо, – ее лицо странно дрогнуло. – Моя тетка умерла. Оставила мне трешку.

– Да? У тебя есть тетка? – он правда не знал. – Ты никогда не говорила, не знакомила нас.

– Моя командировка была как раз с этим связана. Я летала, чтобы вступить в наследство.

– И на работе к этому отнеслись с пониманием? – скрипнул зубами Алексей.

Он помнил, как Алена подолгу рассказывала о том, что отпроситься даже на час – всегда проблема. А тут целая поездка, да еще по ее нужде! Непонятно как-то. Не стыкуется.

Алена ничего не ответила, опустив глаза в стол. И его осенило.

– Ты... Ты больше там не работаешь?! – ахнул он. – Уволилась, скрыв от меня?!

Она промолчала, но вскинула голову и глянула с вызовом.

– Понятно... Какие дальнейшие планы? – Он еле сдерживал себя, чтобы не заорать, не схватить эту дуру и не начать трясти, как тряпичную куклу. – Кроме развода, разумеется. Ищешь работу?

– Уже нашла. Через месяц приблизительно приступаю.

– Интересно, интересно... – Алексей сощурился, начав прозревать. – Планируешь так быстро от меня отделаться? Переезжаешь? Бросишь Москву ради какого-то Замухранска?

– Напрасно ты так, Лешка. – Она даже повеселела, что не пришлось ничего ему рассказывать, он как всегда догадался сам. – Очень хороший городок, уютный. Люди замечательные. И жилье, Алексей. У меня там будет свое собственное жилье, а не квартира твоих чудесных родителей.

Яда в ее голосе было столько, что хватило бы вытравить всех крыс на городской свалке.

– И, конечно же, среди этих замечательных людей есть тот – самый замечательный, ради которого ты бросаешь престижную работу, столицу и меня?

– Да, – не стала она юлить. – Он живет там. Сосед моей покойной тетки. К слову, я о ней тоже ничего не знала до тех самых пор, пока ее сосед не нашел меня и не ознакомил с завещанием. Правильнее – с ее последней волей. Завещание мне потом нотариус вручил. Как-то так, Леша. Ну... Я пошла, собирать вещи?

– Можешь не торопиться, – буркнул он.

Ему вдруг так сделалось страшно, что пот прошиб. Вот сейчас его любимая Ленка, ставшая вдруг чужой и незнакомой, исчезнет из его жизни навсегда! И он ее больше никогда не увидит, не услышит ее голоса. Не почувствует, как она подкрадывается сзади, чтобы прыгнуть ему на спину и заверещать на ухо смешным высоким голосом. Он никогда не дотронется до нее, не обнимет, не почувствует вкуса ее губ.

– Лена, нет! – догнал он ее уже в спальне. – Не уходи!

– Леша, я все решила. – Она осторожно высвободила руки. – Я уже подала на развод. Давно – послезавтра первое слушание. Надеюсь, ты не станешь вставлять мне палки в колеса?

– Нет. Не стану, – поправился он, хотя сначала хотел сказать совсем другое. – Ты просто не уходи. Живи тут.

– Нет. – Ее взгляд заметался пойманной птичкой, она замотала головой. – Мне нельзя. Нельзя с тобой.

– Как это? – опешил он. – Я не стану тебя трогать, мучить объяснениями. Живи в гостиной, сколько хочешь. Еще спальня, есть гостевая. Места полно! Куда ты сейчас? Вот куда?

– К друзьям, – неуверенно отозвалась она. И уже тверже повторила: – Мне нельзя с тобой.

Он был сильно подавлен, когда приехал на работу, и неожиданно рассказал все Женьке. Это было впервые, – прежде он никогда не жаловался на семейную жизнь. Женька не стал охать и ахать. Он в молчаливой задумчивости просидел за компьютером минут сорок, время от времени щелкая пальцами по клавиатуре, а потом выдал:

– Это похоже на секту, Леха.

– Что?

Он как раз увлеченно печатал отчет, радуясь, что удалось отвлечься, и не сразу понял, о чем тот говорит.

– То, что происходит с твоей женой, похоже на секту, – повторил капитан.

– На какую секту, Женька? Что за Средневековье? Ленка прогрессивная дама. Ее на такое фуфло не возьмешь.

– На какое – такое? – тот продолжал что-то читать.

– На всякую ерунду про братство, и тому подобное. Она не станет поклоняться орешнику или кедру, никогда не читала подобной чепухи.

– А что она читала? – выглянул из-за монитора коллега.

– Ну...

Алексей попытался вспомнить и не смог. Бумажных книг он давно у нее не видел, а что она читала с планшета, он не знал.

– Нет, ну... Она же не дура! У нее два высших образования. Куча тренингов по самоусовершенствованию. Она призер...

– Вот! Вот на этих самых тренингах их и вербуют. – Женька чуть развернул монитор. – Я тут кое-что почитал, пока ты отчетом занимался. Это просто... в голове не укладывается, Леха! Глупых баб ловят, как бабочек! Хорошо, что у твоей Ленки нет никакого дорогостоящего имущества, еще можно подумать, что она просто влюбилась и запуталась. А так...

– Квартира! – выдохнул Алексей, бледнея.

– Что – квартира?

– Ее дальняя родственница оставила ей трехкомнатную квартиру. И она летала туда... – Алексей назвал городок за Уралом. – Чтобы вступить в наследство.

– Упс-с... – Женька втянул голову в плечи и затравленно взглянул на него. – А городок-то тот самый, где жена Машкиного заявителя пропала. Я отлично помню название.

– И я.

Алексей выбрался из-за стола, на ватных ногах дошел до окна. Ночью прошел снег, все было белым, нежным, свежим. Или безликим?

– Что мне делать? Она разводится со мной, Женька, и уезжает туда жить. Что мне делать? Как помешать?

– Никак, – тот нахмурился, потыкал пальцем в монитор. – Я тут почитал... Вытащить из секты заблудших овец практически невозможно. Особенно, если хитрость замешана на чем-то личном – любовь, дружба.

– Или дочерние чувства, как в истории с Машкиным заявителем, – вспомнил Алексей. – Что мне делать, Женька? Что?!

– Для начала пробей ее телефон и все финансовые операции.

– Чей? – не сразу понял Алексей, задумавшись о Машкином заявителе, у которого жена поехала искать отца и пропала.

– Ленкин, господи!

– Как-то это...

Алексей поморщился: он никогда не следил за женой. Все было на доверии – на полном доверии.

– Знаешь что! – повысил голос Женька. – Пока ты тут чистоплюйством будешь заниматься, ее возьмут и того... Убьют за квартиру. Что за тетка? Что за хата? Ты же ничего не знаешь. И она ничего не знала. Какая-то лажа. Левак!

– Лажа, – не стал спорить Алексей, вдруг осознав, что подобных чудес, в самом деле, не бывает. – Левак. Тетка помирала, ухаживать было некому, а она Алене квартиру отписала, даже ни разу не позвонив. Странно.

– В общем, так...

Женька тоже вылез из-за стола, подошел к нему, положил руку на плечо.

– Я буду Ленкой заниматься, потому что прекрасно понимаю твои чувства. Вижу, на что ты боишься наткнуться... На работу к ней съезжу, с подругами поговорю. Осторожно! Телефон пробью и все операции по банковским картам. А ты Машке помоги разобраться с пропавшей женщиной. Не справится она, загубит дело.

И вот по этой самой причине он теперь широко шагал в сторону железнодорожного вокзала и вполуха слушал Машкин отчет.

– Он звонил ей несколько раз, точнее – три, пока она ехала. Они говорили, но недолго, – иногда минуту, иногда несколько секунд.

– Переписывались?

– Нет, ни одного сообщения. Он сказал, что его жена не любила. Потом она перестала отвечать. И ее телефон, что странно, не доехал до пункта назначения большую часть пути.

– Как это?

Леша резко встал, Маша ткнулась носом ему в спину, ойкнула.

– Не знаю. Может, потеряла, может, украли. Или она с поезда сошла...

... – Сошла она с поезда, – наморщила лоб проводница, сразу узнав Ларису Гришину по фотографии.

– Когда?

– Так почти сразу, всего ничего проехали. Вечером ее мужчина какой-то посадил на поезд, расцеловал. А ночью она сошла.

– Ночью? – Маша покусала губы, беспомощно глянула на Алексея. – Это почти сразу!

– Ну да. Километров двести от Москвы только и отъехали. Там у нас стоянка большая в области, потому так медленно едем.

– А на какой станции она сошла, не помните?

Алексей с сомнением осмотрел проводницу: форма помятая, волосы всклокочены, глаза покрасневшие. Они ее с вагонной полки сдернули, где она отдыхала перед выездом в рейс. Что она может помнить с таким графиком? Но проводница удивила, назвав полустанок.

– Там место такое – жуть, – передернула она покатыми плечами. – На сотни километров в округе ничего. Здание вокзала одноэтажное, с тремя скамейками, как в старом кино. Даже не знаю, ночью открыто, нет.

– Я думала, таких уже не существует, – продолжала кусать губы Маша.

– Ох, все существует, все. Поездила, знаю. Насмотришься такого...

Проводница зябко поежилась и полезла в вагон. Стоять на улице в одном форменном кителе ей было холодно.

– Ее кто-то встречал, случайно не видели? – спросил Алексей, не надеясь на удачу.

– Не видела, конечно. Стоянка – минута, только и успеешь выпустить пассажира да дверь за ним закрыть. – Она широко зевнула и тут же встрепенулась. – Но на телефоне была все время. Нервничала, с кем-то спорила, если не сказать, что ругалась.

– Время, когда остановка эта была, помните? – Маша полезла в сумку за телефонными распечатками.

– А чего его не помнить! – фыркнула женщина. – Оно в расписании есть. Шли по графику.

– И во сколько она сошла?

– Остановка была двадцать пять минут первого.

Проводница извинилась, сослалась на холод и занятость, и дверь вагона захлопнулась.

– И что нам это дает? – Алексей задумчиво смотрел на Машу, перебиравшую листы бумаги.

– Вот! Точно! – обрадовалась она и протянула ему нужную страницу. – Так я и думала!

– Что там?

Он не спешил брать распечатку. После того как он узнал, что Лариса Гришина не доехала до уральского городка, где его жена получила наследство, интерес к этому делу поубавился. Ему стало неинтересно помогать Маше.

– Там? – Рука Маши с листом бумаги повисла в воздухе. – Подтверждение того, что она в этот момент говорила со своим мужем.

– В какой момент?

– Когда собралась выходить из поезда. Важно знать, о чем они говорили, не так ли, товарищ майор?

– Важно, – ответил он со вздохом. – Надо узнать. Но на твоём месте я не очень бы растрачивал силы на эту банальную историю, старший лейтенант.

– Почему? – Ее глаза цвета болотного омута обиженно округлились. – Почему она вам кажется банальной?

– Понятно, что женщина никуда не пропадала. Она просто сбежала, использовав странный предлог. Какие-то письма от отца... Их, может, и не было вовсе. Она просто... сбежала с любовником, потому и вышла на крохотной станции, где наверняка нет ни видеофиксации, ни свидетелей. Кто там будет гулять в половине первого ночи, если на сотни километров ни единой живой души? Забудь ты эту историю, Мария. Забудь.

Глава 6

Ножик справа, вилка слева. Игнат осторожно пристроил приборы на краю тарелки с завтраком, поправил накрахмаленную салфетку цвета летнего неба, отошел от стола на метр, залюбовался.

Белоснежный круглый стол, тарелки и чашка из одного сервиза – темно-синие с золотой восточной вязью по краям. Сервиз был подарен предыдущему начальнику отдела. После увольнения тот его оставил. То ли забыл, то ли не нуждался в подарках от людей, которые его подставили и «ушли» впоследствии. Сервиз стоял в коробке на дне глубокого одежного шкафа в их кабинете и долгое время не давал покоя уборщице. Она без конца задавала вопросы: а куда его теперь, а нужен ли он вообще, а может, его куда-нибудь деть.

Когда коробка с сервизом исчезла, она переполошилась. Пристала к Игнату, уставив на него широкое бледное лицо. Он ее успокоил и вежливо попросил не совать нос не в свои дела. Впоследствии он настоял на ее увольнении. Сервиз перекочевал на его кухню.

Ларисе эти тарелки не нравились. Она предпочитала стеклянную современную посуду, лучше черную, но можно и любую. Игнат подозревал, что ей вообще было все равно, из чего есть. С тем же аппетитом она могла употреблять пищу и из пластиковой тарелки, держа ее в руках, стол ей был не нужен. Все на ходу, бегом.

Он так не любил – был эстетом. Ему казалось крайне важным накрыть стол правильно. Посуда не должна быть дешевой, обязательно присутствие всех необходимых приборов. Салфетки не бумажные, а тканевые и непременно накрахмаленные.

До отъезда Ларисы на поиски отца у него не выходило следовать своим принципам и желаниям. Сейчас он мог себя побаловать – красиво накрыть стол к завтраку, пусть даже он состоял из банальной яичницы, двух кусочков хлеба, баночки плавленого сыра и яблока. Да, еще чая.

Игнат вымыл руки, вытер новым белоснежным полотенцем и сел к столу. Взмах ножа, еще один, еще, и яичница нарезана на маленькие аккуратные кусочки. Он медленно жевал, сосредоточенно смотря утренние новости в маленьком телевизоре, висевшем на стене напротив.

Когда он допивал последние глотки чая, новости закончились. Ничего важного, ничего нового. Он задумался на минуту. Ищет или нет полиция его жену, которая уже несколько дней не выходит на связь? Их вообще эта ситуация как-то настораживает или нет? Они считают, что он просто так беспокоится, от нечего делать?

– Надо будет сегодня съездить к ним еще раз, – поделился он с Любочкой своим беспокойством.

– Зачем? – Ее длинные ресницы взметнулись.

– Ну как... – Игнат заворочал шеей, ему дико давил воротник новой сорочки, которую он застегнул до верхней пуговицы. – Я оставил заявление. Мне необходим результат. Я должен знать, что они смогли сделать за это время.

– А что они могли сделать? – Любочка загадочно улыбнулась. – Думаю, ничего. Иначе уже сообщили бы.

– Что сообщили? – он осторожно въезжал на стоянку их офиса.

– Если бы нашли труп.

Он так резко вдарил по педали тормоза, что Любочка едва не стукнулась лбом о ветровое стекло.

– Никогда! Никогда так не говорите, Люба, – потребовал Игнат строго и шумно задышал. – Какой, к черту, труп?! Все, что я хочу знать, это куда она... Куда и с кем она сбежала?!

– Простите, – пролепетала она и потерла лоб, будто стукнулась им о стекло.

Но он-то точно видел, что этого не произошло. К чему такие игры? Ох, женщины! Как же с ними сложно!

– Вы считаете, что ваша жена с кем-то сбежала? – не выдержав, спросила Любочка, когда они уже расселись по рабочим местам.

– А как иначе! – с горечью отозвался Игнат, перебирая папки с документами на своем столе. – Она спешит уехать, потом не звонит. На мои звонки не отвечает. Телефон выключен. И письма эти странные... Кто их вообще написал?! Я тут задумывался не раз... Может, она сама их подделала, чтобы появился предлог уехать?

– А просто так уехать она не могла? – усомнилась Любочка, поправляя губную помаду.

– Что значит – просто так? – он гневно раздул ноздри. – Одна? Куда? Зачем? Без меня?

Любочка закрутила помаду, накрыла колпачком, убрала в сумочку, глянула на него и неопределенно качнула головой.

– А у вас так никогда не было?

– Как?

– Чтобы вы просто друг от друга уезжали куда-нибудь? Скажем, по делам. Или просто отдохнуть друг от друга? Не было?

– Нет, – отрезал он, скорбно поджимая губы, подумал и добавил: – Мы не устали друг от друга, поэтому смысла в таком отдыхе не было.

По великолепным губам его помощницы скользнула многозначительная ухмылка. Игнат понял: он сказал что-то не то. Или думает не так, как современные люди. Он старомоден в своем желании постоянно находиться рядом с любимым человеком. Старомоден в желании садиться за красиво сервированный стол. Не современен во взглядах на случайные связи.

Любочка была бы не против завязать с ним отношения, это он уже понял. Не просто так ее декольте с каждым днем все глубже и глубже, а юбки – короче и короче. Особенно после новостей об исчезновении Ларисы. Но он не мог! Не мог так стремительно перестроиться с одной женщины на другую. И еще...

Да, да, он трусил! Боялся, что Любочка посмеется над его неуклюжестью, как это не раз делала Лариса. Он сам себе иногда казался подростком, у которого вовсе нет никакого сексуального опыта, и презирал себя за это, а иногда и ненавидел: свои трясущиеся руки, неловкие, суетливые движения, дикое сопение и пот.

Был бы он таким умелым и ловким, как многие, о которых кино снимают, Лариса бы не исчезла. Никуда бы не делась из его жизни.

– Игнат Федорович, тут вас спрашивают.

Любочка сидела, поигрывая ножкой, и смотрела на него с любопытством. Трубка городского телефона была плотно прижата к ее груди.

Эту трубку ему теперь надо было поднести к своему уху и вдыхать запах помощницы, который ему не всегда нравился. Нет, когда от нее пахло морозной свежестью и травой, приятно. А когда в нос ударял густой цветочный аромат, даже слегка подташнивало.

Он встал, подошел к ее столу, забрал телефонную трубку, брезгливо поморщился и незаметно от нее вытер ее о рукав новой сорочки. Запаха ее сисек ему сейчас только не хватало!

– Аллю! – произнес он требовательно и грозно.

На том конце провода зазвучал тихий торопливый голос молодого дознавателя Марии Дмитриевны Проворовой. Она была старшим лейтенантом, это он помнил очень отчетливо. А еще запомнилось, что она очень скромна и ненапориста – не то что его помощница. Маша была невысокой, аккуратного телосложения, ненавязчивой привлекательности. На такое лицо можно было смотреть часами – не надоест.

– Что, что вы сказали?! – Игнат почувствовал, как на лбу высыпали капли пота.

– Ваша жена недалеко отъехала от Москвы, Игнат Федорович. Она сошла с поезда на маленькой станции, – терпеливо повторила молодой дознаватель Мария Дмитриевна Прово-

рова. – После вашего последнего разговора, который, со слов проводницы, проходил на повышенных тонах, она сошла с поезда.

– Что значит – на повышенных тонах! – поспешил он тут же возмутиться. – Мы никогда не говорили так с Ларисой. Тем более по телефону!

– А вот проводница утверждает, что Лариса с вами ругалась, – настырничала Маша Проворова.

– С чего вы взяли, что моя жена в тот момент беседовала именно со мной? Она могла с кем угодно говорить на повышенных тонах.

– Ан нет, Игнат Федорович, – как будто развеселилась старший лейтенант. – На основании распечаток с телефона вашей супруги, в тот момент она говорила только с вами, и ни с кем больше. За несколько минут до того, как сойти с поезда.

– Так она могла с кем-то еще говорить по другому телефону, – возразил он и тут же понял, насколько нелепо это звучит.

– Она не могла говорить по двум телефонам одновременно, Игнат Федорович, – вздохнула Маша. – Проводница утверждает, что телефон в ее руке был один. И по времени с распечаток: говорила она в тот момент с вами. О чем?

– Что? – он вздрогнул.

– О чем вы говорили в тот момент, когда она готовилась сойти с поезда, Игнат Федорович? Чем вы ее так рассердили?

– Я... Я не очень хорошо помню, – он пожал плечами и тут же почувствовал, как новая сорочка прилипает к спине, мокрой от пота. – Но уверяю вас, это не было скандалом. Обычная беседа. Может быть, Лариса и злилась. Скорее всего, так и было, раз она собралась сойти с поезда, о чем мне не было известно. Она наметила бегство, а тут я со своими звонками. Так... вы не сказали, на какой станции она сошла?

Дознатель Маша Проворова назвала станцию и принялась рассказывать, что это почти заброшенный полустанок. Вокзальное здание чудом сохранилось из прошлого столетия. Никаких камер видеонаблюдения там, разумеется, нет, и поэтому установить, кто именно встречал его жену, не удалось.

– А ее кто-то встречал? – упавшим голосом спросил Игнат.

– Разумеется! Там в округе ничего нет. Ближайший населенный пункт почти в ста километрах.

– Почему же там останавливается поезд? – задал он резонный, на его взгляд, вопрос.

– Полустанок каждый год собираются закрыть, но пока этого не сделали. Поезд, именно тот, которым ехала ваша жена, как раз там останавливается. Остальные проезжают мимо. Почему она выбрала этот поезд, Игнат Федорович? Это был ее осознанный выбор? Кто купил билет?

– Я покупал, – признался он. – Она сказала, на какой поезд, я и купил. Хотя, признаться, удивился.

– Почему?

– Он едет на три часа дольше, чем остальные.

– Понятно... – многозначительно выдохнула Маша и помолчала, а потом изрекла: – Теперь понятно, почему она выбрала именно его. Ей надо было выйти на этой станции. Именно на этой. Хорошо. Спасибо, Игнат Федорович. Я все поняла.

– Не за что. Вам спасибо, – вяло поблагодарил он, хотя результата особого не было.

– Да, чуть не забыла, – воскликнула Маша с фальшивым сожалением. – Вы не будете против, если я сегодня вечером к вам заеду?

– Куда, на работу? Во сколько? Мы до восемнадцати-ноль-ноль.

Он переполошился. Не хватало еще тут баб в форме по его душу!

– Нет, нет. Домой к вам можно заехать, чтобы лишний раз вас не дергать в отдел? Мне как раз по дороге.

Почему-то ему снова почудилось, что она врет, но домой ей заехать позволил.

Остаток дня прошел в суетливой подготовке отчетов, бестолковых ответах Любочки, которой почему-то все никак не удавалось сосредоточиться. Она без конца задумывалась и смотрела на него странно, словно изучала или приценивалась.

– Вы меня не подвезете? – спросила, когда они вместе выходили на улицу.

– Сегодня никак, простите. Очень тороплюсь.

Игнат отыскал взглядом свою красавицу на автостоянке и подумал: почему-то именно сегодня ему не хочется, чтобы Любочкин зад опускался на пассажирское кресло. Может, оттого, что сегодня вечером у него будет в гостях Маша Проворова? А она ему более симпатична. И насколько он помнил, кольца на ее безымянном пальчике не было.

Любочке его ответ не понравился. Она вспыхнула, пробормотала невнятно прощание и ушла, виртуозно играя задом. А Игнат, усаживаясь в машину, неожиданно подумал, что надо бы заехать в магазин и купить что-нибудь к чаю – не сильно калорийное, красивое и воздушное. Ему стало казаться, что именно такой десерт может понравиться Маше, о которой, как он думал, он почти все уже понимает.

Глава 7

Валера перебирал вещи, сваленные кучей на кровати в маленькой комнатке. Не очень-то он разбогател, живя в общине. Валера криво ухмыльнулся, взяв в руки старый свитер, светившийся на локтях. В этом свитере он сюда приехал, в нем и ходит в холода. Чистый, конечно, не вонючий, как под мостом. Но все тот же, другого не выдали. Пара белья, футболок, резиновые сапоги, берцы из грубого козжама, телогрейка и спецовка, в которой они с Игорьком обычно выезжали на работу – вот и все заработанное им имущество. Да, еще несколько пар носков – тонких для лета и махровых на холода. А они, между прочим, вкалывают. И еще как, да на стройке, и в поле, и в лесу, когда очередной нарик крикнется. А заработать сумели лишь на кучку одежды, которую по карманам рассовать можно. Где деньги, спрашивается? Куда они идут? На что? Он точно знал, что овощи и фрукты вывозят на продажу машинами. Колбасный заводик, построенный их же руками на окраине поселка, производит элитные колбасы, и продают их в городе за дорого. Они сами колбасы не видят, мясо редко – все на продажу. И молоко, и яйца. Деньги-то, спрашивается, где?

Почему он раньше никогда об этом не задумывался? Почему считал всех старших благодетелями? Только потому, что поселили в этой старой избе, не требуя оплаты? Позволяют жрать баланду в столовке? Так он на все это заработал! И еще как! Вкалывают без выходных от зари до зари. И хорошо еще, что просто вкалывают, а не отписали все своим благодетелям, сами о том не догадываясь.

Тот разговор с незнакомцем у соседней избы не давал Валере покоя. Он много думал потом, – дня три или четыре – и решил осторожно расспросить Игорька. Тот никого не видел и ни о чем таком не знал.

– Мало ли что он тебе наболтал, Валера! – возмутился Игорек и покрутил пальцем у виска. – Какой-нибудь гадкий проверяющий решил смуту внести.

– Проверяющий? – не понял Валера. – Какой-такой проверяющий?

– А ты что думал, мы вне государства живем? Сюда и налоговая ездит, и энергетики. Мы же без света не сидим. Завод опять же работает колбасный. Санэпиднадзор туда дорогу протоптал. Уезжают с полными сумками. И думаю, конверты не тонкие в кармане у них лежат. Думаешь, создать все это так просто?

Игорек широко повел вокруг себя руками, и Валера не удержался, спросил:

– Что это?

– Рай на земле, дурень.

Игорек ушел, оставив Валеру в растрепанных чувствах. А он долго еще размышлял, ворочаясь без сна.

Про рай на земле что-то говорил и незнакомец в дорогой кожаной куртке на меху, только интонация у него была другая. Не чувствовалось в его голосе восторга и обожания, как у Игорька. Тот, видишь, как рассуждать стал, не иначе на повышение готовится. Вечерами в главном корпусе сидит частенько, приходит довольный, с горящими глазами. Однажды неосторожно проболтался, что скоро поедет в город с начальниками. Пока не ездил, но собирается активно.

Именно по этой причине Валера ничего не рассказал ему о перстне, который он снял с мертвой женщины и припрятал. Долго мучился: рассказать кому, нет. Потом решил, что не стоит. Игорек сказал: надо молчать о страшной находке. Валера послушался, но думать об этом не перестал. И чем больше думал, тем меньше ему эта находка нравилась.

Во-первых, женщины этой они в поселке никогда прежде не видели. Кто она, откуда? Как попала в общую могилу, спрашивается? Карта была только у старшего. Получается, он ее убил и спрятал? Но за что? Или она сама умерла?

Валера отлично помнил, что на теле не было ни ножевых ран, ни следов от пулю. Вены были чистыми. Не похоже, что ее убили или замучили. Может, ее пытались изнасиловать, а она сопротивлялась? И в пылу этой возни неосторожно сломали ей позвоночник?

И чего он, идиот, не глянул тогда на ее шею? Почему не пощупал?

Валера передернулся, вспомнив ужас, который испытал. Да, это хорошо рассуждать, сидя в теплой избе на мягкой панцирной койке. А там, когда они на нее наткнулись, было не до обследований. Надо было быстрее очередного «жмурика» зарыть да смыться.

Он бросил вороватый взгляд в угол кровати. Там в передней левой ножке он спрятал перстень этой женщины. Зачем он его взял? Он и сам не знал.

Дверь в дом с шумом распахнулась. По полу понесло холодом.

– Валерка, ты где? – заголосил Игорек звонким веселым голосом. – Э-э-эй! Где ты, брат?

– Тут я, – высунулся из своей каморки Валера. – Чего такой счастливый?

– В город еду. Прямо сейчас. Ну? Говори, что сделать для тебя могу?

– Позвони моим родителям, – выпалил Валера.

Он уже давно обдумывал, о чем попросит друга. Решил, что это самое важное. И бесплатное. Почти.

– А ты сам не можешь из главного корпуса позвонить? – вытаращился Игорек. – Они же никому не отказывают.

– Не могу, – мотнул головой Валера. – Не хочу, чтобы все слушали. Ты позвони.

– А-а-а, я понял. – Игорек нацелил на него оба указательных пальца. – Ты просто не хочешь сам звонить. Не знаешь, как они отнесутся к твоему звонку. Боишься их реакции.

– Типа того. – Валера опустил голову. – Может, они и говорить со мной не захотят. Это... Это неприятно.

– Ладно, позвоню. У тебя родичи нормальные. Не то что мои. Что сказать им? Привет передать?

– Ну, передай. Скажи, что у меня все нормально. Не пью, совсем. Если это возможно, скажи, где я.

– Идет. Скажу.

Игорек суетливо носился по избе с расческой. Зеркала не было, и он пытался рассмотреть свое отражение в оконном стекле. Кое-как расчесался, надел чистую футболку, толстую черную куртку, которую выдавали тем, кто ехал в город.

– Как я? – встал он у порога с горящими от счастья глазами.

– Нормально. Откуда, кстати, звонить будешь? Деньги-то есть на таксофон?

– Денег нет, но мы едем в центр какой-то. Там есть стационарные телефоны, мне рассказывали. Найду место. Номер диктуй.

Номер Игорек записал на запястье авторучкой и ушел, махнув ему на прощание рукой. А Валера, потеплее одевшись, пошел на скотный двор убирать навоз. Сегодня была как раз его очередь.

Он вкалывал, как раб на галерах, до самой ночи. Снискал похвалу смотрящего, тот смилостивился и даже сказал, который час.

– Полдвенадцатого ночи почти, Валера. Завтра отгул у тебя. Сегодня переработка вышла, – смотрящий пожевал губами и нехотя добавил: – Молодец. Бравый парень!

Ни молодцом, ни бравым парнем он себя не чувствовал, скорее измученным загнанным скотом. У него даже в глазах двоилось, пока он брел до домика. И, заходя в сенцы, Валера решил, что завтра с кровати не поднимется. Проспит весь день.

– Игорек, ты здесь? – громко позвал он, входя в освещенную избу. – Как съездил?

Ответа он не услышал. Зато взгляд наткнулся на коренастого человека, сидевшего за столом. Тот то ли дремал, то ли задумался, то ли молился. Локти его были поставлены на стол,

пальцы в замке, он упирался в них лбом. Поморгав и привыкнув к свету, Валера узнал в нем одного из старших. С ним должен был ехать в город Игорек.

– Здрассте, – произнес он, сбрасывая у порога рабочую куртку, провонявшую навозом.

– Здравствуй, Валера. Долго ты сегодня работал. Молодец. Бравый парень, – повторил он похвалу смотрящего. – Присядь. Отдохни. Я вот тут тебе поужинать принес.

Старший нагнулся, вытащил из-под стола пакет, поставил его на стол. Из пакета вкусно запахло тушеной картошкой с луком и лавровым листом. Валера шумно сглотнул.

– Поешь, поешь, не стесняйся, – предложил с мягкой улыбкой старший. Взгляд его был добрым, мудрым. – А потом поговорим.

Он бы набросился на еду тот час же, не будь таким уставшим. Руки, лежавшие на коленях, словно свинцом налились. Он и ложки не удержит.

– Можно я потом поем? Устал. Да и помыться хочется, – произнес он странно жалобным голосом.

– Хорошо. Потом так потом, – мягкая улыбка исчезла, старший сделался серьезным и печальным. – Новость у меня для тебя нехорошая, Валера. Печальная. И не одна. Сразу две.

Валера насторожился. Отяжелевшие от работы руки неожиданно сжались в кулаки.

– Что случилось? – просипел он. – Что-то же случилось?

– Да... – старший нагнул голову. – Погиб сегодня твой друг – Игорь. Глупо погиб. Бездарно.

– Как?! – выскочило у Валеры, хотя перебивать старшего было нельзя, таковы правила. – Простите! Как это случилось?!

– Он пошел звонить твоим родителям. Ты ведь попросил его об этом, Валера? – Старший бросил на него укоризненный взгляд исподлобья. – Зачем в городе? Ты всегда мог позвонить им из моего кабинета. Не понимаю!

– Простите, – промямлил Валера, чувствуя, как болезненно забилося сердце. – Простите, я не подумал. Что с Игорем?

– Он пошел звонить с таксофона, переходил дорогу в неполюженном месте, и его сбила машина. Все так... глупо, нелепо, неожиданно, – со странным стоном выпалил старший. – Теперь его тело в городском морге, нам его точно не выдадут. Мы ему никто, а его родителям без разницы. Мы даже не смогли их отыскать. Друга твоего похоронят городские службы, мы даже проститься с ним не сможем. Вот так-то, Валера...

Его лицу сделалось очень горячо. Он еще подумал – с мороза зашел в теплый дом, оттого и лицо жжет. Но тронув щеки, обнаружил их сырыми. Он плакал! Да, да, плакал. По Игорю бедному, погибшему под колесами машины из-за него, его нелепой просьбы. Мог бы, в самом деле, позвонить из кабинета старшего и не дрейфить, что услышит упреки в свой адрес или плач матери. А Игоря теперь похоронят в безымянной могиле, с номером на казенном кресте. Немногим лучше, чем тех, которых они с ним закапывали.

– Простите, – прошептал он, вытер ладонями лицо и глянул на старшего. – Вы сказали, что печальных новостей две.

– Да, – кивком подтвердил тот.

– Какая вторая?

– Твои родители... Они... Они погибли пару месяцев назад, Валера.

– Погибли?! – вытаращил он глаза, вдруг почувствовав себя в безвоздушном пространстве. – Как?! Но это... Это невозможно! Они молодые еще и сильные. Как...

– Подробностей не знаю. Что-то случилось, когда они отдыхали на даче. Но если ты хочешь, я могу узнать подробности. Для тебя лично.

– Нет. Не надо, – он уронил голову на стол и затих.

– Валера? – позвал его старший и качнул за плечо. – Ты как?

– Устал я, – прошептал тот. – Спать хочу. Можно?

– Конечно, можно. Разумеется. Ты покушать не забудь, хорошо? А то жалко, повара старались. Для тебя лично готовили.

Старший ушел. Валера слышал, как отворилась и закрылась за ним дверь. Он медленно поднялся, на непослушных ногах пошел в свою комнатку, упал ничком на койку, и сознание отключилось.

Ему вообще ничего не снилось. Он спал словно умер. Проснулся внезапно от странного звука, словно кто-то кашлял за стенкой. Валера подскочил на койке и громко крикнул:

– Игорек, это ты?

Тут он вспомнил, что Игоря больше нет, свесил ноги с кровати, встал и пошел на звук.

Кошка! Бродячая кошка, их в общине было немало, проникла в дом и распотрошила пакет с едой, который ему принес ночью старший. Наверное, он вчера неплотно закрыл за собой дверь, а Валера не пошел проверять, у него не нашлось сил, так он был измучен тяжелым физическим трудом и страшными новостями. Несколько часов сна сделали свое дело: теперь он мог твердо стоять на ногах и здраво мыслить. Что могло случиться с кошкой, которая наелась тушеной картошки с луком? Почему она лежит на полу, вытянувшись, и странно кашляет, словно подавилась? Может, и правда подавилась? Или все же нет?

Валера взял в руки кастрюльку с нетронутым ужином, посмотрел, понюхал. Подавиться кошка не могла – картошка даже сейчас была жиденькой, без единого комочка. Пахло из кастрюльки как-то странно. Валера убрал в пакет свой несъеденный ужин, подумал и сунул туда кошку, которая уже затихла и не подавала никаких признаков жизни. Он подошел к окну и осторожно выглянул. Было еще темно, но через полчаса рассветет, и тогда за ним придут. Не за ним – за его телом.

Яд...

В еде точно был яд. Их с Игорем решили убрать. Что стало причиной, можно было только догадываться. Может, Игорь проговорился, что они нашли труп молодой женщины. Может, руководство напугало, что Валера разговаривал с адвокатом, который приехал в общину разбираться с имуществом его клиентки, – их же наверняка видели и доложили. Мало ли о чем он мог проболтаться адвокату. Это опасность. И ее надо устранить.

– Ребята зачищают... – прошептал он тихо и бросился в свою комнату, собираться.

Глава 8

Чекалин подъехал к дому, где проживал заявитель Гришин Игнат Федорович, в половине девятого вечера.

– Как думаешь, не поздно? – опасливо покосилась на освещенные окна Маша.

– Нормально, – буркнул Алексей.

У него час назад состоялся еще один серьезный разговор с женой, из которого он мало что понял и поэтому сильно расстроился. Ленка говорила как-то странно, бессвязно, нелогично. Это было совершенно на нее непохоже и будило определенные подозрения.

– Может, она на каких-нибудь препаратах? – спросил он у Женьки.

Он позвонил ему, сидя в машине возле Машиного дома – он заехал за ней и теперь ждал.

– Чего ты так сразу? Не накручивай себя. И меня заодно.

– Тебе ничего не удалось узнать? – спросил его Алексей, закрывая глаза.

Он сидел в машине и ждал, когда Маша выйдет из дома. Позвонил Женьке, а тот ничего толком не сообщил. И по телефону ничего – все как всегда, никаких левых номеров. И по банковским расходам чисто.

– Все как было полгода назад, да и год. Может, она того, и правда влюбилась?

Слышать это было гораздо больнее, он поспешил отделаться от Женьки и теперь был молчалив с Машей. Она даже обиделась, но потом все равно разговорилась – нервничала перед визитом к заявителю.

– Какой у него этаж? – спросил Алексей, выбираясь из машины.

– Третий. Во-он его окна. – Маша показала на два освещенных прямоугольника. – Трехкомнатная квартира. Большая!

– Откуда такие сведения? Ты уже была у них?

– Нет. У меня в подобной квартире, в соседнем микрорайоне, подруга живет. Планировка классная.

– Дома новые? – поинтересовался Алексей.

– Ну да. Конкретно этот микрорайон был заселен в позапрошлом году.

– У Гришиных квартира в ипотеке или как?

Он осмотрел двор с просторной парковкой и остался доволен детской площадкой, тренажерами. В его детстве из тренажеров во дворе был турник, погнутый в середине, и низкие скамейки, где они с пацанами качали пресс.

– А я не знаю, – растерянно отозвалась Маша, семена рядом с ним к подъезду. – Не спросила. А нужно?

– А как же! Мало ли что... Может, женушка слиняла от платежей, а потом явится: здравствуйте, я приехала. Ладно, сейчас посмотрим. Письма у него?

– Да. Сказал, что подготовил.

– Хорошо. Ты иди к нему, а я этажом ниже в дверь постучусь.

– Зачем? – Маша растерянно покусывала губы.

– Так, поболтаю...

Женщина, открывшая ему дверь на втором этаже, выглядела как палач инквизиции: серый балахон с длинными рукавами и воротником, полностью укрывающим шею, на голове странный чепец. Суровое лицо, напоминающее мужское, губы крепко сжаты.

– Что надо?! – оставила она на Чекалина страшной силы взгляд. – На часы смотришь?!

– О как, – тихо молвил Алексей. – Вы бы для начала спросили: кто я. А потом грубили.

– А я знаю, кто ты. Полицейский, – удивила его женщина. – В окно видела, как ты с девкой в подъезд заходил, а девка из полиции. Уже была там.

Ее взгляд был воздет к потолку, как при молитве.

– Во-первых, не девка, а лейтенант полиции Мария Дмитриевна Проворова, – разозлился Алексей. – А во-вторых, давайте без хамства. Или я вас привлеку.

– Это за что? – Ее взгляд засверкал жгучим любопытством. – За то, что не хочу тебя пускать в квартиру без ордера? Да притом ночью!

– А я и не прошусь к вам, – подмигнул Алексей. – Так, зашел на огонек. Думал, что ценного сообщить можете, а вы – нет. А на нет и суда нет.

Он повернулся, чтобы уйти, но неожиданно был остановлен сильной рукой.

– Все я могу. Заходи, умник, – проворчала она и втянула Чекалина в квартиру.

Маша читала и перечитывала письма, которые ей вручил Игнат Федорович, и силилась понять, что могло заставить Ларису броситься на поиски незнакомого ей отца. В этих текстах, написанных ровной твердой рукой, не было и намек на чувства к Ларисиной матери, – лишь восторженное перечисление собственных достижений, скупой интерес к ее жизни, к жизни дочери, которую он никогда не видел. Зачем он вообще ей написал?

– Может быть, она сама разыскала его? – предположил Игнат, осторожно поставив чашку с чаем на подставку. – Тут же не все письма наверняка. Я когда почитал, понял это. Первое письмо в соответствии с датой уже как продолжение некоего диалога. Не находите, Мария Дмитриевна?

– Да, да, это понятно. Он пишет, что получил ее письмо и так далее. Просто не могу понять, зачем ей вообще надо было переписываться с ним? Он же такой...

– Какой? – он смотрел на нее с неподдельным интересом.

– Сухой, хладнокровный. – Маша поморщилась, как от кислого. – Зачем она писала ему? Продолжала это ненужное общение?

– Наверное, ради дочери.

Игнат посмотрел на красивое блюдо для десерта все от того же сервиза, наполненное воздушными пирожными. Маша не притронулась к угощению. От чая не отказалась, а вот пирожные есть не стала. Жаль. Он потратился, а она пренебрегла.

– Что ради дочери? Унижаться перед этим сухарем? – Маша выпятила нижнюю губу, помотала головой. – Никогда бы не стала так делать.

– Мария, вы такая... – он ласково улыбнулся ей. – Такая юная. Кто-то сказал: никогда не говори «никогда». Кто знает, что с нами может случиться через несколько месяцев, лет? Как мы можем поменяться? Что станем проповедовать?

– Это вы к чему? – не поняла Маша, откладывая в сторону последнее письмо.

– К тому, что мать Ларисы, пока была молодой, тоже наверняка рассуждала, как вы. Шли годы. Росла дочь, задавала вопросы. В какой-то момент ей наверняка стало казаться, что она была не права, и она возобновила общение с тем, кого предала забвению. Может, ради себя, может, ради дочери. Ей, как видите, это пригодилось.

Он загрустил, повесил голову. Маше сделалось его невыносимо жалко.

– Вы не убивайтесь так, Игнат Федорович. Найдется ваша Лариса. Нагуляется и вернется.

– Вы всерьез полагаете, что она просто... – он тяжело вздохнул. – Что она просто загуляла?!

– Все свидетельствует именно об этом.

– А как же письма? – округлил он глаза. – Они же есть! Она собиралась к отцу, вроде даже созванивалась с ним.

– По звонкам мы не нашли подтверждения. Пробыли всех абонентов, зафиксированных за последнее время – не было и намек на звонки за Урал. Она не звонила ни туда, ни оттуда. – Маша дотянулась до его руки, осторожно тронула. – Все звонки по месту жительства. Она не собиралась ехать туда, Игнат Федорович.

– Но как же так! – Его глаза наполнились обидой и слезами. – Она обо всем этом рассказывала так увлеченно! Я не мог ей не поверить. Это было так... Так искренне!

Маша не знала, что ответить. Слава богу, Чекалин позвонил в дверь.

– Кто это? – насторожился хозяин.

– Мой коллега. Устал, видимо, ждать меня в машине, – неумело соврала она. – Откроете?

Игнат Федорович тяжелой поступью двинулся в прихожую. Взгляд, которым он прокладывал себе дорогу, Маше не понравился.

– Почему? – спросил Алексей на обратном пути.

– Он показался мне таким свирепым.

– Взгляд или Игнат?

– Игнат со взглядом, – хихикнула Маша, прижимая ладошку к губам. – Он рассвирепел, когда узнал, что я не одна. Это совершенно точно.

– И совершенно точно догадался, что я не ждал тебя в машине, а прошелся по соседям.

– Ну да. Как он сказал, когда дверь тебе открыл? – Маша пощелкала пальчиками, пытаясь вспомнить: – «Всех опросили?»

– Нет, не так. Он спросил: «У всех все узнали?»

– Да. Точно. Он догадался, что, пока я письма читала, ты вел поквартирный опрос. Кстати, есть что-нибудь интересное?

Алексей поморщился, вспомнив, как летели слюны изо рта Нины Ивановны, когда она рассказывала о соседях сверху. Толковой информации ноль, одни сплетни.

– Кто на кого голос повысил. Кто когда громко стулом двинул. Как белье с веревки не снимают, и оно гремит. Ну что это, Маш, что?

– Да, ерунда полная, – она вжалась спиной в пассажирское сиденье. – И с письмами какая-то фигня.

– Что не так?

– Писанины много, а рассказать нечего. Пустота какая-то.

– А они реальные, письма-то? Не Ларисой написанные?

– Не, бумага пожелтевшая. Чернила старые.

– А конверты?

– Конвертов нет. Стопка писем, перевязанная атласной ленточкой. Наверняка в какой-нибудь шкатулочке хранились на антресолях, пока Лариса их не нашла.

– А как же она тогда адрес узнала, если конвертов нет?

– В письмах то там то сям упоминается город, улица, номер дома.

– Надеюсь, записала?

Маша посопела. Он прямо ее за новичка держит, считает, что совсем неопытная дурочка!

– Записала, – проворчала она и ткнула пальцем в сторону своего подъезда. – Ближе не подъезжай.

Алексей догадливо хмыкнул. Женька рассказывал, что мама Маши всегда стоит у окна, дожидаясь ее возвращения, а потом мучает вопросами: кто ее подвозил, а женат ли он, где работает, есть ли у него свое жилье...

– Пока, – произнесла Маша, вылезая из машины. – До завтра. Спасибо, что сопровождал. Я же понимаю, это не твое дело.

– Не за что. – Леша тоже выбрался и стоял рядом с ней. – Обращайся.

– Да, вот еще что... – Она порылась в сумочке, достала что-то. – Не можешь отдать на экспертизу?

– Это что? – он приблизил к глазам лист бумаги в пластиковом пакете для улик. – Письмо?

– Оно.

– Стащила? Или сам дал?

- Взяла, – поправила его Маша с лукавой улыбкой. – Из самой середины.
- Тебе что-то не понравилось? – Леша сунул пакет в карман куртки.
- Не знаю. Не могу сформулировать. Может, завтра скажу...

А завтра началось с происшествия. На городской свалке был обнаружен труп парня со следами насильственной смерти. Мало того, он был истерзан.

– Его пытали, товарищ майор, – полушепотом сообщил ему участковый, встречавший их возле оградительной ленты. – Потому вас и вызвали из центрального управления. Так-то земля вроде не ваша, но больно пытки страшные. Решили, что без вас никак.

- Идемте, – коротко отозвался Алексей и нагнулся под ленту.

На месте преступления была целая толпа силовиков, следаки и прокурорские – их вот тоже подтянули. Не рядовой случай.

- Что там? – спросил майор Чекалин, вставая за спиной эксперта.

– Множественные гематомы. Точно скажу позже, но на первый взгляд его пытали электрическим током.

- Электрошокер?
- Запросто, – качнул головой эксперт.
- Что еще можете сказать на первый взгляд?

Вопрос прозвучал со скепсисом – Алексей этого парня не знал, тот был из района, поэтому особого доверия к его опыту не испытывал. Но парень удивил, принявшись перечислять возможные причины смерти.

- Эти следы видите? Точки синие? Указывает на то, что его душили.

- И он от этого умер?

– Не факт. Скажу после вскрытия. Но душили точно. Электрошокер, удушение, несколько колотых ран.

- Нож?
- Вряд ли, слишком узкие порезы. Может, штык-нож? Или заточка.
- От этого умер?

– Не могу сказать. Возможно, это были просто уколы, чтобы причинить ему невыносимую боль, но не умертвить.

- Невыносимую?

– Да. Кололи в те места, где расположены особенно болезненные точки. Видите? – Эксперт задрал футболку и принялся показывать пальцем на раны в разных местах. – В общем, помучался парень. Очень помучился, прежде чем умереть.

Совещание провели там же – в районе. Кабинет начальника был маленьким, и там сразу стало тесно от множества стульев, принесенных дополнительно.

Вступительное слово местного начальника было кратким – документов при погибшем не обнаружено, личность не установлена.

– Какие имеются соображения, коллеги? – поинтересовался подполковник столичной прокуратуры, на голову возвышаясь надо всеми сидящими. Он был очень высоким.

– Надо запрос сделать по всем пропавшим без вести, – проговорил Алексей, потому что подполковник посмотрел прямо на него. – На предмет установления личности. По утверждениям эксперта, убили парня не на свалке, туда лишь привезли и сбросили труп. Значит, надо просмотреть все записи с камер пятидневной давности.

- Почему пяти? – не понял кто-то из местных.

– Труп по меньшей мере пять дней, – поднял на него взгляд Алексей и добавил негромко: – По утверждению эксперта. Установим автомобиль, доставивший труп на свалку, и начнем действовать.

- А если он в угоне? – снова пристал тот же парень из райотдела.

– Будем устанавливать момент угона, а также хозяина, когда и при каких обстоятельствах он был угнан. Есть ли свидетели и заявление от самого владельца, что крайне важно, – с ухмылкой перечислил Алексей следственные действия.

– А если труп привезли в мусоровозке? – не унимался все тот же дотошный малый.

– Установим мусоровоз, маршрут его следования. Что-то, да всплывет. Но главное и первоочередное: надо установить личность погибшего. Если понадобится, использовать средства массовой информации. Нет нужды показывать обезображенный труп, лицо можно отредактировать программой. Вдруг выстрелит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.